

Сергей Тармашев

Чистилище

От автора

Данное произведение является абсолютно ненаучной фантастикой, оно не соответствует общепринятым теориям, постулатам, а также прочим фундаментальным научным законам. Книга создана с единственной целью – развлечь любителей постапокалиптики.

Пролог

**Израиль, г. Нес-Циона, Институт биологических исследований,
отдел генетического оружия, лаборатория «N»,
высшая категория секретности. Наши дни**

Затянутый в скафандр биологической защиты человек щелкнул кодовыми замками на экранированном контейнере и распахнул толстую крышку. Он с предельной осторожностью извлек из контейнера небольшую склянку с бесцветной жидкостью и медленно поместил её в сложное устройство, установленное посреди помещения. Убедившись, что колба с активным веществом правильно установлена и надежно закреплена, человек в скафандре закрыл прозрачную стенку устройства, и автоматика немедленно загерметизировала аппарат, с тихим шипением выдавливая из его полости воздух. На панели управления устройством вспыхнул сигнал «Заряжено», и человек в скафандре сделал жест в сторону стены из толстого пуленепробиваемого стекла, отделяющего испытательную часть лаборатории от нескольких десятков наблюдателей, облаченных в такие же скафандры.

– Готово, – тихий голос экспериментатора донесся из установленных под потолком динамиков.

– Тестовый штамм установлен, – прокомментировал его действия невысокий носатый джентльмен, руководящий экспериментом. Разглядывать строки данных через лицевой щиток гермошлема ему было несколько неуклюже, и потому он сделал пару шагов, отделяясь от остальных наблюдателей. Руководитель приблизился к одному из компьютерных мониторов, множество которых находилось на рабочих местах операторов, установленных в лаборатории, и сверился с его дисплеем: – Пусковое устройство готово к распылению штамма. Заводите подопытных.

Один из помощников сего влиятельного чиновника от науки отдал приказ по внутренней радиосвязи, и присутствующие одновременно перевели взгляды в противоположную часть испытательного помещения. Специально для проведения данного эксперимента там были установлены два массивных пластиковых кресла, оборудованных множеством зажимов, петель и фиксаторов, призванных намертво сковать посаженного в них человека. В металлической стене за креслами виднелся единственный выход с этого экспериментального полигона – люк с кремальерным затвором, подобно входу в герметичный отсек субмарины или противорадиационного бомбоубежища. Штурвал кремальеры пришел в движение, люк распахнулся, и в помещение вошел человек в скафандре биологической защиты с оружием в руках. Следом за ним появился второй, они заняли позиции неподалеку от кресел и взяли их на прицел. Тем временем из люка вышли ещё четверо в скафандрах. За собой они вели двоих закованных в наручники смуглых бородатых людей, одетых в робы полутюремного-полубольничного покроя. Глаза бородачам закрывали тугие повязки из плотной черной ткани, лодыжки сковывали цепные кандалы, исключающие возможность не только бега, но даже широкого шага.

– Господа, перед вами одни из наиболее одиозных арабских террористов! – возвестил руководитель эксперимента. – Как и было заявлено, оба подопытных приговорены к смертной казни за кровавые преступления. На их счету более трех десятков еврейских жизней. Исполненные ими террористические акты выделяются из череды других особой жестокостью и цинизмом. Удары наносились только по мирному населению. Даже будучи арестованными, оба террориста продолжают оставаться непримиримыми, не прекращают сопротивления и каждую минуту планируют побег, чтобы продолжать свои кровавые злодеяния!

Словно в подтверждение его слов, один из арестантов что-то заорал, мгновенно приходя в бешенство, и предпринял попытку броситься на конвоиров прямо с повязкой на глазах и скованными конечностями. Ему удалось ударить плечом одного из охранников, остальные набросились на него с дубинками и электрошокерами. Несколько секунд террорист сопротивлялся, пытаясь лягаться и наносить удары головой, и его сообщник, услышав возню и крики, тоже вступил в драку на слух и на ощупь. Присутствующие в зрительном зале люди несколько заволновались, однако конвоиры быстро взяли ситуацию под контроль. Арестантов нейтрализовали электрошоком и на руках подтащили к креслам. Бессознательные тела террористов поместили на сиденья и самым тщательным образом приковали, лишая возможности двигаться. Пока охрана занималась всем этим, находящийся посреди испытательной лаборатории человек в скафандре не обращал никакого внимания на происходящее в метре от него. Учёный деловито раскладывал на лабораторном столе медицинское оборудование с таким видом, будто подобные эксперименты давно стали для него рутиной.

– Доктор Вильман невозмутим, как лев! – оценил его поведение некто из влиятельных наблюдателей, судя по раболепному поведению окружающих, представитель высшей власти.

Он с интересом следил не только за действиями конвоиров, но и внимательно разглядывал испытуемого. Тем временем тот закончил готовить своё оборудование и вольготно расположился в мягком кресле у лабораторного стола в ожидании усмирения подопытных.

– Доктор Вильман обладает очень устойчивой психикой, это доказано многочисленными тестами! – с гордостью объяснил руководитель эксперимента. – Кроме того, он – истинный патриот Израиля и убежденный борец за свободу еврейского народа и будущее еврейского государства и не испытывает жалости к убийцам наших детей! Именно поэтому сейчас он непоколебим, как скала!

– Это похвально, – без каких-либо эмоций оценил влиятельный чиновник, – истинный патриотизм достоин всеобщего подражания. Однако у Шин Бет имеются вопросы к доктору Вильману.

– Мистеру Коэну опять не дает покоя внешняя схожесть доктора Вильмана с германцем? – скептически поморщился руководитель эксперимента и обернулся к одному из многочисленных зрителей. – Господин полковник, не пора ли закончить с этими подозрениями? Доктор Вильман истинный сын нашего народа. Да, он выходец из Германии, из семьи немецких евреев-ашкеназов, и не имеет явной еврейской внешности. Но всю свою жизнь ему приходилось сталкиваться с проявлениями оголтелого антисемитизма, вытерпеть много бед и издевательств. Он эмигрировал в Израиль, потому что больше всего на свете желал жить на своей исторической родине и приносить ей пользу своими способностями! И вам прекрасно известно, что он успешно прошел тест ДНК, который подтвердил наличие у него соответствующей ашкеназам гаплогруппы.

– Само по себе это ещё ничего не значит, – окрысился крайне худой человек с крючковатым носом и ушами, оттопыренными настолько, что эта особенность его внешности была заметна даже несмотря на скафандр. – Среди предателей нашего народа было и есть достаточно евреев! Мордехай Вануну, Калманович, Клингберг – какие ещё вам нужны основания?! Последний, кстати, шпионил прямо отсюда, из вашего института!

– Это произошло давно! – протестующе заявил руководитель эксперимента. – Если не сказать – очень давно! Не спорю, это очень печальная страница истории нашего института, но никак не повод подозревать всех и каждого! Доктор Вильман является нашим сотрудником уже пять лет, и всё это время Шабак не устает устраивать ему проверки, зачастую более напоминающие препоны. . .

– Шабак был и будет бдительным! – отрезал полковник. – Наш долг – обеспечение безопасности Израиля! Враги никогда не оставят наш народ в покое и не перестанут засылать к нам шпионов! Ни для кого не секрет, что вербовать агентуру для разрушения Израиля им легче всего среди пришлых! Поэтому не доверять пришлым – часть нашей профессии! У нас появились основания считать, что

доктору Вильману удалось сфальсифицировать результаты ДНК-тестов, и сразу после окончания этого эксперимента ему придется проехать с нами, ответить на некоторые вопросы и пройти тест заново! Всем следует уяснить, что если безопасность страны потребует от нас подозревать всех и каждого – так и будет! Мы делаем свою работу, господин академик!

– А мы свою, господин полковник! – возмутился учёный функционер. – И если этот эксперимент пройдет успешно, мы добьемся того, чего не в силах добиться вы! И доктор Вильман является его вдохновителем и главным двигателем! Именно он совершил настоящий прорыв в разработке генетического оружия и создал то, на испытаниях чего мы сейчас присутствуем! Мы даже назвали это Штаммом Вильмана в его честь, потому что перед нами уникальный, абсолютно новый инфекционный агент! Для краткости мы называем его вирусом, но в действительности это совершенно не вирус! Ничего похожего на этот инфекционный агент в мире не существует! Он сочетает в себе свойства множества известных микроорганизмов и вирусов, одновременно не являясь ни тем, ни другим. Я с полной ответственностью могу заявить, что данный инфекционный агент сочетает несочетаемое и является новой, доселе неизвестной формой жизни, сконструированной искусственно! Он атакует врага по генетическому признаку, подчиняя себе существование клеток его организма, подобно вирусу, но в то же время способен существовать вне носителя бесконечно долго, при этом инфекционный агент исключительно живуч, плодовит и размножается с невероятной скоростью! Наука считает подобное фантастикой, а мы воплотили это в жизнь! И сделали это исключительно благодаря блестящему уму доктора Вильмана! Фактически он сконструировал этот штамм в одиночку, и на данный момент никто не сумел полностью разобраться в том, как ему это удалось. Во всем мире тысячам ученых, объединенных в мощнейшие НИИ, имеющие грандиозное финансирование, подобная задача до сих пор кажется антинаучной! Гений доктора Вильмана неоспорим, без него мы бы ещё долго топтались на месте!

– Тогда почему вы доверили проведение эксперимента высочайшего уровня опасности ключевой фигуре всей научной работы? – не сдавался полковник, не скрывая своего недовольства. – Если его роль определяющая, разве некому больше нажать на кнопку?!

– Это было требование самого доктора Вильмана! – в голосе научного функционера зазвучали нотки раздражения. – Этот штамм его детище, и никто не знает вирус лучше! Доктор Вильман – настоящий патриот нашей страны и истинный сын еврейского народа, он готов рисковать жизнью ради всего этого! Даже несмотря на бесконечные придирки Шин Бет! А вам, господин полковник, я бы посоветовал внимательнее наблюдать за собственными коллегами! Весь этот нездоровый шпионский ажиотаж возник после заявления министра обороны США Коэна ещё в девяносто восьмом году! С тех пор только ленивый не обратил на нас внимания! Все, от писак из желтой прессы до агентов ФСБ, проявляют к нашим разработкам живейший интерес! Насколько мне известно, Уильям Коэн ваш родственник, полковник, не так ли? Не порекомендуете ли ему, по-родственному, более разумно подходить к подбору информации для обнародования?!

– Вы забываетесь, господин академик! – вскинулся полковник. – Благодаря моим, и не только моим, родственникам вы получаете от Пентагона финансирование! Вы живете на эти деньги!

– Мы живем во благо Израиля! – не менее эмоционально отреагировал тот. – Делаем великое дело, результаты которого наши потомки будут помнить вечно! Разве их будущее не стоит денег?! Я очень рад, что доктор Вильман сейчас не слышит нашего разговора! Ваша позиция возмутительна!

– Достаточно, господа! – властно заявил высший чиновник, прекращая словесную перепалку, грозящую распалить многолетний вялотекущий конфликт. – Все мы делаем великое дело сообща! Здесь собрались истинные патриоты Израиля и еврейского народа, каждый из которых готов посвятить ему жизнь, а если потребуется – то и отдать её без раздумий! И потому ссоры между нами

ни к чему. Давайте займемся тем, ради чего мы тут, – наблюдаем за экспериментом. Сколько времени это займет, господин академик?

– Двадцать четыре минуты, господин премьер-министр! – ответил руководитель эксперимента. – Именно столько длится инкубационный период. Эти данные получены нами в ходе экспериментов над животными, но доктор Вильман уверен, что они полностью применимы и к людям. Впрочем, сейчас мы сможем убедиться во всем лично. – Он указал руками на одну из плазменных панелей, отображающих панель электронного секундомера: – Тайминг будет отсчитываться с момента выпуска вируса... Я вижу, приготовления закончены! Скоро всё станет на свои места!

Присутствующие обратили взгляды сквозь прозрачную стену. В комнате для подопытных конвоиры приковали террористов к креслам, и пара лаборантов прикрепляла к преступникам различные медицинские датчики. По мере их подключения на компьютерных мониторах вспыхивали транслируемые ими данные. Все они дублировались на дисплее, укрепленном над лабораторным столом внутри испытательного помещения, и вольготно развалившийся в кресле доктор Вильман лениво переводил взгляд с цифр, энцефалограмм и графиков на тела подопытных. Тем временем лаборанты сунули под нос террористам ампулы с нашатырным спиртом, подопытные задержали головами, исторгая грязную ругань, и научные специалисты спешно скрылись за стальным люком. Конвой покинул помещение следом, и штурвал кремальеры несколько раз провернулся, наглухо запечатывая стальной мешок. На мониторах вспыхнул сигнал о полной герметичности лаборатории. Сидящий в кресле учёный поднялся на ноги, развернулся к наблюдателям и несколько секунд с неподдельным интересом разглядывал их сквозь толщу пуленепробиваемого стекла.

– Доктор Вильман! – носатый руководитель эксперимента подошел к микрофону переговорной системы, связывающей отрезанную от всего мира лабораторию со зрительным залом, и повысил голос: – Ваш выход! Вы готовы?

– Абсолютно! – голос экспериментатора, пробиваясь через гермошлем, звучал глухо даже несмотря на установленные в лаборатории высокочувствительные микрофоны. – Я вижу, доблестные представители Шин Бет почтили мой эксперимент своим присутствием! Это весьма приятный сюрприз. Должен признать, что о подобной удаче я даже не мечтал! Лично для меня это более дорого, нежели присутствие премьер-министра.

Доктор Вильман лениво ткнул пальцем в кнопку «Enter» на клавиатуре лабораторного компьютера, и стоящий посреди помещения распылитель тихо зашипел. Многочисленные мониторы зрительного зала вспыхнули сообщениями о начале эксперимента и высвобождении вируса во внутреннее пространство лаборатории. На часах, отсчитывающих время эксперимента, побежали цифры секунд. Экспериментатор скользнул взглядом по своему компьютеру, на дисплее которого диаграмма заполнения помещения вирусом стремительно ползла вверх, и принялся расстегивать на себе скафандр.

– Доктор Вильман!!! – в ужасе воскликнул функционер от науки, – что вы делаете?!!

– Провожу эксперимент, разумеется! – ответил учёный, снимая с себя гермошлем. Без него голос экспериментатора сразу же зазвучал громче и отчетливее. – Мы ведь затевали всё именно ради этого, не так ли?

– Но это первые испытания на людях! – руководитель был явно напуган, прекрасно отдавая себе отчет в том, что произойдет в случае гибели экспериментатора на глазах у правительственной комиссии. – Мы не знаем, насколько правильно сконструирован вирус! Скорее примите антидот!

– Антидота в этой лаборатории нет, – невозмутимо изрёк доктор Вильман, оказавшийся худым и немного сутулым человеком с серыми глазами и недлинными прямыми светлыми волосами. –

Я позаботился об этом заранее. Чтобы не было соблазна и эксперимент прошел чисто. Не волнуйтесь, господин директор, всё пройдет идеально, я уверен в своём детище.

Он полностью избавился от скафандра, под которым обнаружился деловой костюм без галстука, вернулся к своему креслу и уселся в него, разваливаясь по-хозяйски.

– С вашего разрешения, – продолжил он, – я позволю себе развлечь наших высоких гостей, пока вирус делает своё дело. Начнем с краткого ликбеза, потом перейдем к сути. Итак! Идея по-настоящему эффективного биологического оружия будоражит умы военных и ученых довольно давно. Наука не стоит на месте, и на сегодняшний день многие страны усиленно развивают это направление. Некоторым из них даже удалось достичь определенных результатов. Микроорганизмы – возбудители опасных, экстремально заразных и практически не поддающихся излечению болезней, вроде лихорадки Эбола или бубонной чумы, по сути уже вчерашний день. Слишком опасно, не поддается контролю и несет угрозу не только противнику, но и своему народу, и вообще всем, кто попадет под заражение. Это невыгодно. Современные военные разработки позволяют создать новые типы болезнетворных организмов, которые могут поражать население, не обладающее специальной вакциной, свой же народ может такую получить. Это уже лучше, но всё равно крайне хлопотно: нужно изготовить огромные количества антитода, обеспечить его доступность среди своих, что подразумевает очень серьезные затраты и прочие действия. Такое не оплатить любому желающему, не говоря об отсутствии гарантии того, что в процессе приготовлений информация не станет достоянием общественности или шпионских служб многочисленных врагов. Посему подобный путь я для себя отверг сразу, и уверен, что каждый из здесь присутствующих со мной согласится. Третий путь, которым сейчас идут наши зарубежные коллеги, это применение нанотехнологий, позволяющих манипулировать микроскопическими структурами. Созданные с её помощью микроорганизмы и химические соединения должны уметь целенаправленно воздействовать на некие конкретные цели. Например, разлагать топливо или разрушать взрывчатые вещества прямо внутри боеприпасов. Соединенные Штаты, как хорошо известно тем, кто здесь присутствует, ведут работы по созданию насекомых, которые стали бы разъедать бетонное покрытие, выводя из строя взлетно-посадочные полосы противника, а также разрушать металлические части военной техники и разлагать ГСМ. Определенного прогресса нашим коллегам уже удалось добиться – не так давно были запатентованы микроорганизмы, способные успешно разлагать полиуретан, содержащийся в антикоррозионной краске, которой покрываются корпуса кораблей и самолетов. А известная нам лаборатория занимается разработкой так называемого «антиматериального биокатализатора», который смог бы разрушать пластик. Помимо всего этого американские и английские коллеги плотно экспериментируют с успокоительными средствами, которые можно применить в военных целях. Тот же диазепам, также известный как седуксен, в случае применения к армии противника может вызвать временную недееспособность, долгосрочный вред здоровью или даже смерть. Осталось только создать надежный способ доставки транквилизатора к вражеским солдатам без учета желаний последних!

Доктор Вильман иронично усмехнулся, вновь посмотрел на свой монитор и принялся приклеивать себе на шею медицинский датчик, сверяясь с появляющейся на дисплее информацией.

– Но по-настоящему надежное оружие может дать только генетика! – заявил ученый минуту спустя, когда один из мониторов зрительного зала начал выдавать наблюдателям параметры состояния его жизнедеятельности. – Совершенное оружие! Оружие, уничтожающее врага безжалостно, безошибочно и всюду, где бы он ни укрылся! Оружие, от которого нет спасения, оружие, которое не требует управления и риска погибнуть в битве. Оружие, удар которого заметен только тогда, когда уже ничего невозможно противопоставить, и, самое главное, что никто и никогда не сможет доказать или даже вообще понять, кто же это оружие применил! Шедевр военного дела, выходящий далеко за рамки

примитивных боевых действий и по своим масштабам сопоставимый лишь с деяниями карающей длани Всевышнего! Вот что такое настоящее оружие!

Он сделал многозначительную паузу и с легким пафосом в голосе продолжил:

– Идея «этнической» бомбы, которая могла бы действовать избирательно, поражая носителей определенных типов генов или даже узких генетических структур, разрабатывается довольно давно, и не только в нашей стране. Первые эксперименты в этой области проводились ещё в гитлеровской Германии, затем в ЮАР, США и прочих странах – теперь уже неважно, где! Потому что никто из них не смог создать совершенное оружие. Я объясню нашим уважаемым гостям, почему все вышеуказанные оказались не в состоянии достичь цели. Дело даже не в том, что сама процедура «избирательного поражения» есть нечто недостижимое. В наши дни генетика идет вперед семимильными шагами, и ошеломляющий прогресс в этой науке позволяет добиться нужных результатов при определенном упорстве. Главная проблема заключается в том, чтобы безошибочно определить потенциальную цель для нанесения генетического удара! История последних тысячелетий препятствует этому. В течение веков множество этносов, абсолютно различных по происхождению, перемешивались в её горниле, а прежде близкородственные группы расходились весьма далеко. Представителей так называемых «чистых» генотипов на планете практически не осталось. В качестве примера: французы, считающие себя отдельной нацией, в действительности несут в себе следы кельтской, латинской и германской крови, недаром их страна в своё время называлась Галлией, по названию кельтского народа галлов. И название «Франция» она получила благодаря народу франков, которые являются германцами. И так далее! Или рассмотрим славян! У их южных племен, так называемых полян, было очень даже велико вливание иранской крови, у северных и северо-восточных племен – угро-финской. А германцы?! После падения античного мира, в начале «темных веков», они смешивали свою кровь с кельтами на западе, а на востоке – со славянами. Многие современные исследования гласят, что современное европейское население произошло от древних земледельцев с Ближнего Востока! Даже среди населяющих разные районы Европы людей ученые находят отчетливые генетические различия. Например, в Греции и на Балканах сейчас в организме человека присутствует от семидесяти до ста процентов генов, унаследованных от ближневосточных земледельцев. У северных европейцев подобных генов лишь десять процентов, в холодных странах ещё можно отыскать тех, у кого их нет вообще, если повезет! С другими народами дела обстоят ничуть не проще.

Доктор Вильман саркастически хмыкнул, сверился с данными по состоянию подопытных, вскользь бросил взгляд на экран с показателями своего организма, после чего продолжил:

– Самое сложное в создании «этнической бомбы» – это выделить идентификационные гены, которые могут позволить безошибочно отделять представителя вражеского этноса от дружеского. Эта проблема всем нам знакома очень хорошо, наш институт много лет пытался выявить специфические особенности генетического профиля арабов, гарантированно отличающие их от евреев. Уничтожение арабов – в высшей степени благородная цель! Арабы есть источник бесконечного зла, агрессивные, недалёкие, кровожадные! Весь мир вздохнет спокойно и скажет нам «спасибо», если они перестанут существовать! Ведь вместе с ними исчезнет Аль-Каида, Хамас, Талибан, Исламский джихад, Фронт освобождения Палестины, всевозможные «газаваты» и прочие террористические движения и организации. Без арабов быстро изживет себя ислам – самая жестокая, кровожадная и непримиримая варварская религия! Одним словом, наша цель священна! Однако достичь её непросто. Ведь и арабы, и евреи имеют семитское происхождение, и малейшая ошибка может привести к катастрофе – «этническая бомба» станет уничтожать и врагов, и своих создателей. Именно эту проблему, проблему прицельного выделения требуемого этноса из общей массы других, имеющих в той или иной

степени общую генетику, никто не мог решить все эти долгие годы. Именно поэтому создать совершенное генетическое оружие до сих пор никто не сумел.

Учёный умолк, выдерживая почти театральную паузу, и торжественно заявил:

– Я создал его! Мой вирус идеален! Он распознает цель безошибочно!

Среди безмолвно наблюдающих за ним через толстое стекло десятков зрителей возникло сдержанное оживление. Несколько человек тихо переговаривались между собой на закрытых каналах внутренней радиосвязи, и полковник из Шин Бет, похоже, отдавал указания как минимум нескольким из них. Это не укрылось от взгляда доктора Вильмана. Он посмотрел полковнику в глаза и усмехнулся, не скрывая своего презрения.

– Мой вирус проникает в организм носителя мгновенно! – пояснил учёный. – В качестве транспортного средства выступает влага, причем солнечная активность только усиливает распространение вируса, так что укрыться от него невозможно! Однажды попав на свободу, он распространится всюду, где только существует вода, включая содержащуюся в атмосфере, растительности и любых живых организмах. Я создал его практически неуязвимым! Вирус нечувствителен ко всем видам антибиотиков, способен выдержать более тридцати минут кипячения, а оказавшись в запредельно сухой местности, не гибнет, но лишь впадает в спячку. В этом состоянии он может находиться едва ли не бесконечно. Спасения от него не существует! Поэтому я разработал антивирус, представляющий собой штамм-близнец с несколько измененным алгоритмом действия, способный уничтожить своего конкурента и занять его место. Но не думаю, что антивирус окажется востребованным. Я создал его, скажем так, для страховки, – доктор Вильман загадочно прищурился, – не более того! Моя лаборатория синтезировала антивирус в количестве четырех доз, и я гарантирую, что больше он производиться не будет. Хотя его формула выгравирована мною прямо на медицинской стали корпусов шприц-контейнеров, непосредственно содержащих активное вещество, необходимости в нем не возникнет. Но сейчас увидеть антивирус невозможно, как я уже сказал, он надежно спрятан ради чистоты эксперимента.

– А если вы погибнете сейчас, доктор Вильман? – в голосе полковника Шин Бет явственно слышался вызов и крайняя степень недружелюбия. – Если эксперимент окажется провальным? Как ваши коллеги получают назад этот антивирус?! Кто вам дал право присваивать результаты работы целого института, оплаченные целой страной?! Где вы его спрятали?! Отвечайте!

– Каюсь, господин полковник, – учёный склонил голову нарочито театрально. – Я присвоил себе данное право без какого бы то ни было разрешения. Я готов понести ответственность за свой поступок, если до этого дойдет. Но в любом случае антивирусу ничего не угрожает. Если мой вирус убьет сегодня своего создателя, эта лаборатория подвергнется полной и абсолютной термообработке. Она надежно отрезана от внешнего мира и может выдержать температуру до тысячи градусов по Цельсию. Вирус не переживет и ста сорока пяти. Где найти антивирус? Это указано в моем завещании, хранящемся у моего адвоката.

– Вы перешли границы собственных полномочий! – заявил полковник. – Это может быть расценено, самое малое, как саботаж! Как вы смогли вынести вирус за пределы института?! Я гарантирую, что ответственности за это вам не избежать! Ваше поведение...

– Я не отказываюсь от ответственности, полковник, чем вы меня слушаете?! – перебил его доктор Вильман, повышая голос. – Хотя победителей, как известно, не судят. Кстати, антивирус я никуда не выносил. Предлагаю вернуться к этому разговору позже, пока же рекомендую всем сосредоточиться на эксперименте! – Он перевел взгляд на премьер-министра, молча наблюдающего за происходящим: – Господин Премьер, с вашего позволения, я продолжу. Итак, противостоять моему вирусу невозможно! Однако делать этого и не придется. Как я уже сказал, вирус идеален! Он попадает

в кровь и немедленно анализирует ДНК носителя на предмет наличия генетических особенностей, присущих цели. Если таковые обнаруживаются, то запускается механизм уничтожения врага. Причем происходит это без видимых внешних признаков. Вирус начинает изменять ДНК внутри клеток своего проживания, этот процесс занимает двадцать четыре минуты и заканчивается судорогами всех основных мышечных групп, ураганным отеком легких, очень быстро переходящим в ураганный отёк мозга. Смерть наступает, по моим подсчетам, секунд за десять-пятнадцать, но это будут очень, очень неприятные секунды!

Доктор Вильман издал злорадный смешок, затем прыснул и невольно хихикал пару мгновений.

– Иными словами, если начались судороги, то вводить антивирус уже поздно, – он сделал над собой усилие, успокаиваясь. – Это надо сделать до начала терминальной стадии, так как антивирус хоть и действует очень быстро, но всё же не мгновенно. Впрочем, не-враждебному генотипу всё это ненужно. Допустим, мы ведем речь о лошади. Если вирус не обнаружит в ДНК носителя вражеских генных конструкций, то запускается механизм ожидания. Его алгоритм достаточно сложен и коротко это можно объяснить так: вирус не предпринимает по отношению к носителю никаких враждебных действий, однако и не бездействует. Он стремится размножиться и распространиться далее, за пределы организма носителя. Ибо он есть оружие, не знающее пощады, и не остановится до тех пор, пока не уничтожит даже память о врагах своих создателей!

Учёный замолчал, на мгновение задумавшись, но тут же встрепенулся и продолжил:

– Если же носитель «чистого» генотипа человек, то алгоритм, по которому будет действовать вирус в режиме ожидания, несколько иной. А именно: вирус встраивается в иммунную систему, укрепляя её своими способностями. Это усиливает фагоциты, а также расширяет набор устойчивостей организма к широкому спектру современных патогенов, так как усиленный вирусом иммунитет получает возможность эффективно противостоять всему, чему способен противостоять сам вирус. Иными словами, те его свойства, что делают невозможным уничтожение вируса, атаковавшего организм с вражеским генотипом, встают на стражу организма – носителя «чистой» генетики! И не только носителя, но и его потомства, потому что в случае полового контакта вирус мгновенно проникнет в организм партнера и уничтожит его, если таковой окажется носителем «грязного» генотипа! Спустя двадцать четыре минуты погибнет и представитель враждебного генотипа, и оплодотворенная яйцеклетка, если таковая успела образоваться. Конечно, мой вирус ещё не покидал пределов лаборатории и, попав в открытую среду, наверняка мутирует, но базовые принципы его действия не изменятся. Он всегда будет стоять на страже «чистого» генотипа, это заложено в самую суть его архитектуры!

Он обвел зрителей торжествующим взглядом:

– Не правда ли, гениально, господа?! Враги моего народа падут, мой же народ возвысится! Вирус займет достойное место в архитектуре мироздания, ибо он бесстрастен, как сама природа! Для кого-то он великое зло, а для кого-то великое благо!

– Это... очень впечатляет, – осторожно ответил премьер-министр, незаметно косясь на полковника из Шин Бет. – И всё же не будете ли вы столь любезны, доктор Вильман, сообщить нам, где спрятан антивирус? Если в вашем эксперименте что-то пойдет не так, последствия могут быть катастрофическими и для нашего народа!

– Антивирус здесь, в институте, в хранилище для микроорганизмов четвертого уровня опасности, – отмахнулся учёный. – Он никогда его и не покидал! Я лишь сложил антивирус в кейс-контейнер, переместил из одного термошкафа в другой и сменил код доступа. После завершения эксперимента я извлеку кейс. Или господин полковник сделает это после оглашения моего завещания.

– Мы все очень надеемся, что этого не произойдет, – премьер-министр перевел взгляд на руководителя эксперимента, явно не обещая тому ничего хорошего.

– Доктор Вильман не посвящал меня в такие подробности этого эксперимента! – попытался оправдаться тот по внутренней линии радиосвязи, тщетно стараясь скрыть неуверенность и страх перед высоким начальством. – Я ничего об этом не знал! Десятки специалистов изучают сконструированный им штамм, но разобраться досконально в его архитектуре пока не удалось. Однако все предыдущие опыты показали ошеломляющие результаты, не было никаких оснований для беспокойства и недоверия!

– Будем надеяться, что их нет и сейчас! – отрезал премьер-министр. – Однако адекватность доктора Вильмана довольно специфична! Я понимаю, что люди науки не от мира сего, но это не значит, что гению дозволено абсолютно всё!

– Позволю себе с вами не согласиться, господин премьер-министр! – доктор Вильман вновь издал короткий смешок. – Лично я уверен в обратном! Гению как раз дозволено абсолютно всё! Ибо он не ровня серой массе, представляющей собой глупое стадо, живущее общими стандартами!

– Почему он нас слышит?! – полковник резким движением развернулся к руководителю эксперимента. – Это защищенная линия сверхмалого радиуса действия, её невозможно прослушать за пределами этого помещения!

Он бросил взгляд на зрителей, и не менее полдюжины из них завозились с планшетными компьютерами и неким электронным оборудованием.

– Я... я не знаю... – залепетал функционер от науки, окончательно теряясь от того, что едва ли не эпохальный эксперимент стремительно блекнет на фоне разгорающегося скандала.

– Я смотрю, вы взяли с собой много людей, господин полковник! – Голос доктора Вильмана, раздающийся из настенных динамиков, звучал насмешливо. – Похвальная предусмотрительность! Вы так сильно меня опасаетесь? – Он хихикнул, оглядывая своё высокое, но щедрое тело: – Это комплимент моей физической форме! Однако можете не волноваться, угрозы национальной безопасности нет! Я не имею доступа к закрытой линии, я лишь заранее немного отрегулировал чувствительность установленных в зрительном зале микрофонов и теперь просто хорошо вас слышу! Прошу простить мне это самоуправство, я заботился о комфорте проведения эксперимента, не более того!

– Немедленно изменить настройки системы! – распорядился полковник, оборачиваясь к операторам, обеспечивающим эксперимент. – Проверить систему на предмет взлома и наличия шпионских программ! Господин премьер-министр, я настаиваю на том, чтобы вы покинули здание института, в целях вашей безопасности!

– Господин полковник, вам не кажется, что это уже перебор?! – доктор Вильман ехидно повысил голос. – Вы не забыли о том, зачем мы все здесь собрались? Ради величайшего эксперимента, позволю себе напомнить! Прошу вас, не превращайте его в шпионский скандал, тем более что я не шпион. Все эти годы я работал над вирусом, это дело всей моей жизни, и не только моей, но и моих учителей и соратников. Я не вынес из этих стен ни бита информации, ибо преследую несравненно более великую цель – вынести из этих стен вирус, который очистит планету! Ваши шпионские дрызги мне неинтересны! – Он посмотрел на премьер-министра: – Господин Премьер, давайте же вернемся к сути! Неужели вам не хочется увидеть начало новой эры?! Детскими играми Шит Бет можно заняться позже, всё равно я никуда не денусь из этого помещения, оно изолировано от всего мира и выход из него только один.

Не дожидаясь ответа, учёный поднялся с кресла и принялся снимать с себя пиджак.

– Тем более что время идет и развязка приближается, – он избавился от пиджака и начал закатывать рукав рубашки. – Обратите уже наконец-то внимание на данные системы мониторинга! В вены подопытных арабских террористов установлены катетеры, и анализ крови у них берется, как сейчас модно говорить, в реальном времени. Вы можете убедиться, что маркеры вируса дают уверенную положительную реакцию – вирус уже переполняет их организмы едва ли не в буквальном смысле! Сейчас я возьму анализ крови у себя... – доктор Вильман перетянул руку жгутом и потянулся за шприцем для взятия крови, – и мы увидим, есть ли у меня вирус...

Несколько минут он возился с медицинским оборудованием, обрабатывая взятую у себя кровь, после чего удовлетворенно возвестил, глядя на появляющиеся на мониторе результаты анализа:

– Итак, вирус у меня в крови в больших количествах, чего и следовало ожидать. – Учёный сверился с хронометром: – Осталось дождаться окончания инкубационного периода, которое даст ответы на все вопросы. В том числе и на ваши, господин полковник! – Доктор Вильман смерил представителя Шабак снисходительным взглядом. – Немного терпения, господа, немного терпения! Считанные минуты отделяют нас от начала новой эры!

Он вернулся к своему пиджаку, надел его и торжественно воззрился на цифры хронометража. Истекающие минуты прошли в полной тишине, и на отметке в двадцать четыре минуты присутствующие невольно затаили дыхание. Несколько секунд ничего не происходило, потом один из подопытных громко захрипел и забился, прикованный к креслу. Следом за ним конвульсивно задергался второй, хватая ртом воздух, и натужное мучительное хрипение террористов заполнило динамики зрительного зала. Дисплеи системы мониторинга вспыхнули всплесками диаграмм и строками экстренных предупреждений, сообщая о критическом состоянии испытуемых, грозящем им скорым летальным исходом. Кто-то из зрителей невольно втянул голову в плечи, наблюдая за происходящим. Судорожно бьющиеся в предсмертной агонии подопытные смертники являли собой жуткое зрелище, надрывно сипя и роняя изо рта кровавую пену. Несколько человек отвели взгляд от корчащихся в мучениях людей, однако доктор Вильман наблюдал за ходом эксперимента с выражением неподдельного живейшего научного интереса на лице. Первый подопытный затих спустя двенадцать секунд, второй скончался через восемнадцать.

– Второй испытуемый имел более крепкий организм, – подытожил доктор Вильман, поднимаясь. Сам экспериментатор выглядел абсолютно здоровым. – Поэтому вирус возился с ним дольше. Но это обусловлено тем, что мой штамм ещё не побывал в открытой природе. Попав в атмосферу, он приспособится к внешним условиям и станет сильнее. Теперь я возьму у себя ещё один анализ...

Он быстро проделал соответствующие манипуляции, и через минуту торжественно воскликнул:

– Вуаля! Что и требовалось продемонстрировать! Обратите внимание на данные анализа! Вирус в крови, и он в неактивном состоянии! Никаких деструктивных процессов в организме не протекает! – Доктор Вильман обернулся к зрителям: – Господа! Поздравляю вас с началом новой эры!

– Эры без арабов! – Руководитель эксперимента заплодировал, и к нему присоединились остальные. – Это величайшая победа еврейского народа, за которую весь мир скажет нам спасибо!

Несколько секунд в зрительном зале гремели овации, присутствующие обменивались поздравлениями и торжественными спичами. Затем премьер-министр произнес короткую, но пламенную речь, после чего вместе со свитой покинул зрительный зал.

– Доктор Вильман, – руководитель эксперимента проводил взглядом закрывающуюся за Премьером дверь шлюзовой камеры и облегченно вздохнул, – вы заставили всех нас сильно перенервничать! Ваши заслуги неоспоримы, но для чего было нужно играть на грани фола?! Вы же понимаете, что теперь вам придется провести несколько дней в этой лаборатории! Нам необходимо удостовериться, что вирус не мутирует со временем из безопасной формы в опасную...

– Разумеется, понимаю, коллега! – перебил его учёный. – Однако я уверен, что долго мне здесь сидеть не придется. Пока же я смогу удовлетворить любопытство господина полковника. У него накопилось ко мне много вопросов, не так ли, полковник?

– Где вы спрятали антивирус? – Взгляд полковника не скрывал угрозы, слова звучали холодно.

– Там, где и сказал, – пожал плечами доктор Вильман. – В тринадцатом холодильнике.

– Код доступа? – похоже, ни удача эксперимента, ни грандиозность его значения не заставили полковника снизить степень враждебности по отношению к Вильману. – Условия хранения?

– Один, четыре, восемь, восемь, – невозмутимо ответил тот. – Вы найдете там кейс-контейнер. Внутри лежат четыре капсулы из хирургической стали, одновременно являющиеся инъекторами и средствами хранения антивируса. Активное вещество не требовательно к условиям хранения, за исключением обязательной герметичности. Иными словами, оно улетучится, если инъектор разрушить. Я создал внутри инъекторов замкнутую микроатмосферу идеального газа, в которой антивирус может существовать очень долго. А если его заморозить – то и вовсе едва ли не вечно...

– Проверить и изъять! – Полковник, не дослушав, обернулся к одному из своих подчиненных. – Убедитесь, что это не пустышка, что антивирус не был подменен на фальшивку! Сотрудники института с удовольствием помогут вам в этом! По окончании доложить мне лично!

Подчиненный убежал выполнять приказ, и полковник посмотрел на руководителя института:

– Два инъектора из четырех мои люди заберут и доставят в Шин Бет. Антивирус будет храниться у нас во избежание повторения подобных инцидентов. Я вас покидаю, господин академик, но с доктором Вильманом останется следователь. – Полковник впери в ученого полный неприязни взгляд и с металлическими нотками в голосе спросил: – Вы ведь не откажетесь ответить на его вопросы в качестве жеста доброй воли, доктор? Или вам есть что скрывать?

– Всё, что я скрывал, вы уже знаете, – отмахнулся Вильман. – Присылайте, кого хотите, я с удовольствием с ним пообщаюсь! Мне скучно в компании двух мертвецов!

– И позаботьтесь об охране лаборатории, академик! – полковник проигнорировал выпад ученого. – Чтобы доктор Вильман случайно не покинул ни её, ни территорию института.

– Не думаю, что ваша подозрительность оправдана, – поморщился функционер от науки. – Особенно теперь, когда наш эксперимент блестяще завершён! Но мы в любом случае будем действовать согласно правилам. До окончательного подтверждения безвредности вируса для еврейского народа доктор Вильман будет находиться под тщательным наблюдением. Сотрудникам Шабак будет оказано всяческое содействие. Вы хотите получить что-нибудь ещё, полковник?

– Пока этого достаточно! – ответил тот и, не прощаясь, покинул зрительный зал.

Спустя пятнадцать минут полковник уже сидел в служебной машине, недовольно растирая затекшую от длительного пребывания в скафандре шею. Его эскорт двигался по улицам Нес-Ционы, спеша доставить полковника к вертолету, и помощник сообщал о звонках, поступивших за время его отсутствия на связи. Полковник слушал доклад, попутно давая помощнику указания относительно того или иного респондента, но отвлечься от только что произошедших событий не получалось. Результаты эксперимента были не просто поразительны, это феерический успех еврейской науки. Если доктор Вильман действительно не умрет от собственного вируса в ближайшие дни, его штамм не только перевернет весь мир, но и перекроит его полностью. Незримое, неосязаемое и безжалостное оружие, способное уничтожить арабов, не принося евреям никакого вреда. За такое можно, не задумываясь, отдать всё. Израиль наконец-то обретет долгожданный покой, евреи смогут спать спокойно, не опасаясь ракетных обстрелов, взрывных устройств и террористов-смертников. И полковник, как опытный службист и политик, прекрасно понимал, что это лишь начало. Начало великого пути евреев на Олимп, как и было завещано Всевышним. Ведь если стало возможным

прицельно и безошибочно выделить из семитского генотипа арабскую специфику, не нанося вреда остальным его представителям, то рано или поздно можно будет выделить генную специфику любого народа. Это лишь вопрос времени. А с такими возможностями можно диктовать свои условия всему миру. Да что там диктовать – сразу действовать на опережение, превентивно купируя любую потенциальную угрозу. А угроз у еврейского народа хватает. Значит, прежде всего, и без того беспрецедентный режим секретности и меры безопасности, применяемые к институту и проекту Вильмана, необходимо взвинтить до поистине параноидального уровня. Лучше паранойя, чем утечка...

И всё же что-то не давало полковнику покоя. Была какая-то деталь, которую пропустило его сознание, но зафиксировало подсознание. И теперь оно настойчиво беспокоит полковника, стремясь указать на какую-то нестыковку, но понять, в чем она заключается, ему пока не удавалось. Но он обязательно поймет. Сейчас слишком много дел, позже он выберет время, тщательно обдумает всё и докопается до этого беспокоящего фактора. Пока же надо усилить агентурную работу в отношении директора института, он выполняет свои обязанности в области сохранения государственной тайны слишком халатно. Во время эксперимента по глазам директора было видно, что некоторыми подробностями о возможностях вируса, озвученными Вильманом, он был удивлен не меньше остальных. Это значит, что либо директор не держит руку на пульсе, либо Вильман сознательно держал его в неведении. А это уже подозрительно. Необходимо проверить всю команду Вильмана или всех тех, кто взаимодействует с ним, если он работает один. Не мог же он абсолютно в одиночку создать то, над чем десятки лет бились мощнейшие научные учреждения. Он упоминал что-то о своих учителях и соратниках, надо выяснить о тех и других всё, вплоть до мелочей...

Звонок телефона правительственной связи прервал его размышления. Звонил премьер-министр, и полковник поспешил ответить. Но вместо голоса в трубке раздавались едва слышные шумы, не то шипение, не то кряхтение. Полковник несколько раз произнес «Алло», сбросил вызов и тут же перенабрал номер Премьера. Тот должен быть сейчас в районе аэропорта, возможно, уже на борту своего самолета, там нет и не может быть сбоев связи. Однако Премьер трубку не взял, вероятно, у него возникли срочные дела, и полковник нажал сенсор отбоя. Через пятнадцать минут он перезвонит ещё раз, пока же дел хватает и у него. Полковник посмотрел на помощника, подобострастно ожидающего его распоряжений, но продолжить разговор не успел – служебный телефон помощника громко зажужжал вибровывозом. Тот бросил на дисплей мимолетный взгляд, собираясь сбросить вызов, но тут же нахмурился и взял трубку.

– Это из охраны премьер-министра! – сообщил он и произнес: – Алло, я вас слушаю, господин...

Собеседник помощника перебил его целым потоком фраз, и у него расширились глаза от испуга:

– ЧТО?! Я... Да! Передаю трубку! – Он рывком протянул полковнику телефон и выпалил на одном дыхании: – Премьер-министр умер! На борту своего самолета! У его секретаря конвульсии!

Полковник схватил трубку, но ответить так и не смог. Вместо вдоха его легкие сократились, словно от удара в солнечное сплетение, тело свело судорогой, из горла вырвался булькающий хрип. Полковник выронил телефон и забился на сиденье, тщетно хватая ртом воздух и разрывая руками узел галстука, ставший внезапно тугой удавкой. Жестокая боль пронзила тело, швыряя его на пол автомобиля и скрючивая в дугу. Легкие будто рвались на куски, глаза захлестнула кровавая пелена, от недостатка кислорода мозг пылал огнем.

– Ви... рус... – с жутким сипением прохрипел полковник, уже не замечая, как рядом с ним хватается за горло хрипящий от удушья помощник, и опешившие охранники беспомощно суетятся над ними обоими. Разрушающийся от адской боли мозг словно взорвался, разлетаясь на части, и внезапно полковник понял всё. Угасающее сознание, стремительно утопающее в кровавой мути, вытолкнуло

умирающему полковнику последнюю мысль. Один, четыре, восемь, восемь. Код доступа доктора Вильмана к антивирусу. 14-88.

В десятке километров от остановившегося посреди дороги кортежа полковника, быстро создающего пробку и обрастающего толпой зевак, в одну из секретных лабораторий не менее секретного института вбежал насмерть перепуганный человек в белом скафандре биологической защиты с серебристым кейс-контейнером в руке. Едва оказавшись на пороге, он ринулся к стене из толстого пуленепробиваемого стекла, отделяющего зрительный зал и операторские места от испытательной части лаборатории, но тут же остановился, не увидев за стеклом никого, кроме двух обезображенных судорогами трупов, привязанных к креслам.

– Доктор Вильман? – воскликнул он, озираясь, и в ужасе замер, замечая лежащие на полу трупы в таких же, как у него, скафандрах. Тела лаборантов несли на себе следы жестоких конвульсий, лицевые щитки их гермошлемов изнутри были густо забрызганы кровавой пеной.

– Господин директор! – раздавшийся позади голос заставил его отпрыгнуть от страха. – Что-то случилось? На вас лица нет!

– Доктор Вильман... – испуганно повторил директор, невольно пятясь от приближающегося к нему высокого и тощего сутулого человека, облаченного в дорогой костюм ручной работы. – Как вы вышли из испытательной камеры?!

– Воспользовавшись ключ-картой, разумеется, – пожал плечами человек в костюме. – Она положена мне по роду деятельности, разве вы забыли? Перед экспериментом её у меня никто не забрал, а я не стал настаивать. Как чувствовал, что пригодится! Так что вас беспокоит, коллега?

– В институте гибнут люди! – заикаясь от ужаса выпалил тот. – Смерть наступает в считанные секунды! Страшные судороги, ураганный отек легких, поражение мозга – всё это следует один за другим! Вирус вырвался на свободу! Как это могло произойти?!

– Полагаю, его на себе вынесли отсюда наши уважаемые гости, – невозмутимо ответил доктор Вильман. – Каюсь, я совсем забыл сказать, что, когда готовил к эксперименту испытательную камеру, случайно нарушил её герметичность. Перестарался с алмазным сверлом. Я так волновался в преддверии испытаний, что это недоразумение вылетело у меня из головы! Отверстие получилось совсем крохотным, и вирус не сразу заполнил зрительный зал.

– Чт-то... – промямлил опешивший директор, – вы... вы специально выпустили вирус?!

– Именно так, – с энтузиазмом подтвердил Вильман. – Иначе какой смысл было его создавать? Чтобы он был навечно похоронен в спецхране института, Шин Бет или ещё какой-нибудь премерзенькой конторки? Нет, господин директор, торжество науки не остановить!

– Но... почему умирают люди... – директор пребывал в шоке, – вирус не должен убивать евреев...

– Ни секунды не сомневаюсь, что в этом был уверен весь институт и его высокие покровители! – закивал головой Вильман. – Но никто из вас так и не сумел воплотить в жизнь это желание. У меня же и моих наставников были иные планы. И вновь, в который раз, каюсь: я совсем забыл вас в них посвятить! – Он виновато развел руками: – Такая вот незадача приключилась...

– Что?.. – директор поперхнулся. – Но... почему вирус не поразил вас? Вы ведь еврей, и неизбежно... – Он умолк на полуслове, и его глаза расширились от внезапной догадки: – Полковник был прав! Вы сфабриковали результаты ДНК-теста!

– Bravo! – воскликнул Вильман. – А вы исключительно догадливы, директор! Признаю свою ошибку: от вас я такого не ожидал. Вы ведь не склонны к научной деятельности, ваша стезя – администраторство. Я прочел все ваши научные монографии, в них нет ни одной свежей идеи, всё когда-нибудь да появлялось в работах других ученых. А тут – такая сообразительность!

– Вы... вы нацист? Вы задумали истребить всех евреев и весь семитский мир? Это чудовищно! – выдохнул директор. – Вы обрекли на смерть миллионы людей...

– Во-первых, не миллионы, а миллиарды, – менторским тоном поправил его Вильман. – Вы слишком высокого мнения о своих евреях, семитах и прочем генетическом мусоре. Вечно вы дрожите над тем, что кто-то желает вас уничтожить. Весьма забавное самомнение! Мои планы простираются дальше, значительно дальше! Эта несчастная планета переполнена уродливыми расами и ещё более уродливыми межрасовыми гибридами. Пришла пора избавить её от генетического мусора! – Он заговорщицки подмигнул директору: – Из этого следует, что, во-вторых, вирус убивает не людей, а уродливых гибридов. Как видите, – он указал на себя, – носителю чистого генотипа вирус не страшен. А в-третьих, нам не привыкать очищать планету от мусора! Но если лично вам так хочется выжить, вы можете воспользоваться антивирусом. Он же у вас в руках!

– Значит, страшилки о том, что Аненербе выжило и тайно ведет борьбу, оказались правдой! – лицо директора исказила злоба. – У вас ничего не выйдет! – он прижал к груди кейс-контейнер и сделал шаг к двери. – Я доставлю антивирус в ближайшую специализированную лабораторию, и мы начнем его массовый синтез... – директор запнулся на полуслове, выронил кейс и схватился за горло.

Его тело свело судорогой, и он рухнул, надрывно хрипя в тщетных попытках сделать вдох. Несколько секунд директор бился в конвульсиях, выплевывая на лицевой щиток шлема кровавую пену, после чего затих. Доктор Вильман мгновение безразлично разглядывал его труп и произнес:

– Я совсем забыл сказать, что герметичность скафандров я тоже случайно нарушил.

Он подобрал кейс-контейнер и с невозмутимым видом покинул усеянную мертвыми телами лабораторию.

Россия, Санкт-Петербург, Васильевский остров, два дня спустя

Михаил провернул в замочной скважине ключ, отпирая замок, и толкнул открывшуюся дверь. Та распахнулась едва на десяток сантиметров и остановилась, застопоренная изнутри дверной цепочкой.

– Лера, открой, это я! – торопливо произнес он, оглядываясь на лестницу. Судя по доносящемуся сверху грохоту ног, кто-то спускался бегом этажа с пятого-шестого. – Быстрее! Надо спешить!

– Что случилось? – жена сняла цепочку, и Михаил вбежал в квартиру, едва не сбив её с ног.

– Собираемся! Быстро! – он захлопнул дверь и запер её на замок. – Бери только деньги, документы и продукты, которые можно есть на ходу! Одевайтесь, как на пикник! Мы уезжаем!

– Папа, мы едем на шашлыки? – маленькая Ксюша обрадованно захлопала в ладошки. – Клёво!

– Да, доча, мы едем на шашлыки, – подтвердил Михаил, подхватывая восьмилетнюю малышку на руки. – Сначала мы съездим в гости к бабушке с дедушкой, а потом сразу на шашлыки! Ты согласна?

– Да! – заявила Ксюша, вырываясь из отцовских объятий и спрыгивая на пол. – Я одеваться!

Она умчалась в детскую, и Лера с нарастающей тревогой посмотрела на мужа:

– Миша, что случилось? – зашептала она, оглядываясь на детскую. – Эпидемия?!

– Мне позвонил отец! – тихой скороговоркой выдохнул он. – Это началось прямо у нас! Вспышки зафиксированы десять минут назад сразу в трех местах: в аэропорту, в порту и на Морском вокзале! В Пулковке потеряли связь с восемью внутренними рейсами, два самолета рухнули, остальные ещё летят. Радары их видят, но на вызовы никто не отвечает, самолеты идут на автопилотах. Скоро начнется шумиха, но это уже неважно – Морской вокзал рядом с нами! Туда пришло судно, набитое трупами! Просто врезалось в причал на полном ходу! Принято решение о полном карантине Васильевского острова! Пока об этом никто не объявлял, но метро уже перекрывают! Как только слухи распространятся, тут такое начнется! Мы должны как можно быстрее уехать с острова, пока не развели мосты!

- О, господи! – Лера побледнела и метнулась в детскую. – Ксюша! Надевай джинсы и сапожки!
- Мама, в сапожках жарко! – раздался голос дочурки. – Они резиновые! А на улице солнышко!
- По телевизору передавали дождь! – убеждала её Лера. – Через два часа он обязательно пойдет!
- Надо взять зонтик! – заявила Ксюша. – В прошлый раз папа забыл мой зонтик в машине!

Жена что-то говорила дочери, быстро собирая её в дорогу, но Михаил уже не слушал их разговор. Он метался по квартире, собирая документы и драгоценности и засовывая их в деловой портфель. Полминуты ушло на то, чтобы освободить доступ к спрятанному за книжным шкафом небольшому сейфу с припасенной на черный день наличностью, и Михаил завозился с кодовым замком. На включенной плазменной панели телевизора вспыхнула заставка новостной передачи, и он замер, не сводя глаз с экрана.

– Экстренные новости! – объявил диктор, и на экране возникло изображение какого-то европейского города, охваченного беспорядками. – Вспышка эпидемии зафиксирована в Берлине! Наш специальный корреспондент передает с места событий!

На экране царил хаос. Толпы людей панически бежали куда-то по улицам, сметая наскоро образованные полицейские кордоны. Дороги были забиты машинами, столкнувшимися друг с другом, прямо во время трансляции из-за ближайшего поворота на огромной скорости выскочил какой-то автомобиль и, протаранив толпу, врезался в здание. Изображение задергалось, видимо, оператор бежал с камерой на плече, и в прыгающем кадре появился бегущий репортер. Он оглядывался на камеру, сжимая микрофон, и на ходу вел репортаж:

– Мы находимся в центре Берлина! Всё началось внезапно, по одним слухам, на железнодорожном вокзале, по другим – на противоположной окраине города, там сейчас идет сильный дождь! Тысячи людей падали, охваченные жестокими конвульсиями, и в считанные секунды умирали в ужасных мучениях! Эпидемия распространяется с ужасающей скоростью, власти не успевают блокировать подвергшиеся заражению районы! Пытаясь спасти свои жизни, люди ведут себя крайне агрессивно! Всюду вспыхивают драки, они бросаются друг на...

Внезапно в кадр влетела человеческая фигура с искривленным от бешенства лицом и с разбега сшибла репортера с ног. Он покатился по асфальту, но нападающий немедленно запрыгнул на него сверху и принялся молотить руками по голове. Оператор что-то закричал, но тут изображение резко дернулось и закувыркалось, похоже, камеру выбили у него из рук. Спустя пару мгновений она упала на дорогу и в кадре стала видна беснующаяся озверевшая толпа, бегущая из глубины улицы. Вооруженные чем попало взбешенные люди преследовали убегающих, пытаясь сбить их с ног. Несколько человек настигли и принялись избивать прямо в кадре, после чего трансляция прервалась и сменилась диктором в студии.

– Мы уже связываемся с берлинскими властями с требованием обеспечить безопасность наших сотрудников! Как только об их судьбе появится какая-нибудь информация, мы вам сообщим...

– Придурки! – зло выдохнул Михаил. – Да кого колышет их судьба?! У нас-то что происходит?!

– В связи с текущими событиями Президент России принял решение о введении дополнительных мер безопасности на транспорте. С сегодняшнего дня все авиационные перевозки приостанавливаются до особого указания. Железнодорожный, морской, речной и автомобильный транспорт подлежит тщательному эпидемиологическому контролю. Соответствующие меры уже внедряются на всех транспортных узлах страны. В качестве дополнительной меры предосторожности Министерство Здравоохранения рекомендует гражданам воздержаться от поездок в другие населенные пункты до отмены режима эпидемиологической опасности...

Диктор продолжал вещать, но Михаил больше не обращал на телевизор внимания. Никто вам ничего не расскажет, это уже ясно. У нас, как всегда, всё хорошо! Воздержитесь от выезда за пределы города!

Да, да! Сидите на заднице спокойно! Так вас будет легче запереть в карантине вместе с подхватившими заразу! После того как вы все передохните, снова наступит счастье!

Он судорожными движениями выхватывал из сейфа пачки с купюрами и складывал их в портфель. Как хорошо, что он с самого начала держал эту «заначку» в трех валютах! В долларах, евро и рублях. Доллары сейчас мало кого интересуют, евро теперь, похоже, ожидает та же судьба, и продлится это наверняка долго. А вот пара миллионов рублей будет в дороге как нельзя кстати! Это лучше, чем остаться с голым задом, как останутся те, кто держит свои сбережения полностью в иностранной валюте! Но доллары с евро лучше на всякий случай взять с собой, кто знает, сколько продлится карантин и когда ещё получится вернуться домой.

Закончив собирать портфель, Михаил подбежал к шкафу, вытащил оттуда походный рюкзак и затолкал в него портфель. Так будет удобнее. Он принялся срывать с себя деловой костюм и одновременно выдергивать из шкафа туристическую одежду. Очень удачно, что они всей семьей приобрели её полгода назад, когда дочери вдруг понравился устроенный дедом пикник на природе, и с тех пор маленькая Ксюша стала требовать от родителей регулярных выездов за город. А ведь тогда Михаил с тоской подумал, что на него свалилась ещё одна головная боль, и едва ли не каждый второй уик-энд безнадежно потерян. Заморочек хватало и по бизнесу, а тут ещё эти чертовы пикники... Но два дня назад мир изменился. Впрочем, тогда об этом ещё никто не догадывался.

Всё началось внезапно, сумбурно и непонятно. И продолжает оставаться таковым до сих пор. Утром во всех новостях объявили о какой-то эпидемии в Израиле и Палестине. В чем там дело толком понятно не было, но выложенные в интернете любительские съёмки шокировали: усеянные скрюченными трупами улицы, десятки людей, корчащиеся в судорогах, множество испуганных людей в повязках и респираторах, спешащих покинуть смертельно опасные районы и натыкающихся на кордоны военных, облаченных в средства химзащиты. Репортеры, журналисты и просто любители сунуть свой нос куда не стоит устремиться было туда, но очень быстро сгнули в стремительно разрастающейся кошмарной неразберихе. Вскоре информация из Израиля и вовсе перестала поступать. А через пару часов массовые смерти начались в Египте, Иордании, Сирии, к обеду эпидемия охватила весь Аравийский полу-остров, и начали приходить панические сообщения из Ирана и Африки.

Что представляет собой эпидемия, чем она вызвана, каким образом распространяется и как с ней бороться – никто не знал. ООН собрала на срочное заседание всевозможные комитеты, но пока шли обсуждения, ситуация усугублялась с катастрофической скоростью. Правительства разных стран, стремясь предотвратить панику среди своих граждан, принимали меры наугад, и потому толка о них было немного. Даже закрытие границ наглухо спасало не всех, и ненадолго. К вечеру эпидемия неожиданно обнаружилась в Англии, и весь мир в срочном порядке прекратил с ней воздушное сообщение. Наутро уже ни Англия, ни Африка, ни Ближний Восток не выходили на связь, и посланные туда срочным решением ООН международные наблюдатели не вернулись. К обеду выяснилось, что эпидемия всюду бушует в Китае, но китайские власти, как обычно, всячески это скрывают. Мировая интернет-общественность возмутилась, но почти сразу эпидемия вспыхнула в США, и о Китае тут же забыли. С тех пор в Америке творится сущий ад, и интернет пестрит душераздирающими кадрами: хаос, повальное бегство, бьющиеся в судорожной агонии люди, исходящие кровавой пеной, и трупы, трупы, трупы...

Курс доллара мгновенно рухнул, фондовые биржи закрылись, мировая торговля встала, границы закрыли наглухо. На транспортных узлах мгновенно скопилось огромное количество людей, являющихся гражданами иных государств, но всякие сообщения с проблемными странами были перекрыты. Не каждый желал вернуться в охваченную эпидемией страну, но находились и настолько

редкостные идиоты. Кое-где вспыхивали пока ещё бескровные конфликты, и во избежание эксцессов правительства срочно направляли полицейские силы на все транспортные узлы. За этим Михаил имел возможность наблюдать лично – его бизнес был связан с ремонтом морских судов, и уже вечером того же дня порт был окружен подразделениями МВД. На Уральском мосту, по которому Михаил обычно возвращался из офиса домой, поставили блокпост из пары БТР, но их экипажи никаких действий не предпринимали, лишь смотрели на проезжающие мимо автомобили суровыми взглядами.

В строительных магазинах и аптеках в одночасье смели все запасы респираторов и марлевых повязок, самыми популярными запросами в интернете стали фразы «купить противогаз» и «купить ОЗК». Короче, за одни-единственные сутки произошло столько событий, что было страшно спать ложиться. И, как оказалось, не зря.

Вчерашнее утро началось с сообщений информационных агентств. Америка была захлестнута эпидемией целиком, от Аляски до Чили с Аргентиной. Отовсюду транслировали совершенно жуткие вещи, сопоставимые только с идиотскими страшилками киношников про очередной апокалипсис. Города, закрытые на карантин и блокированные войсками, которых не хватало, чтобы успеть везде. Спонтанно возникшие лагеря беженцев, также окруженные войсками, и колонны техники, везущие туда воду, продовольствие и средства защиты в сопровождении войск. В каждом кадре показывали людей в респираторах и противогазах, с ног до головы затянутых в армейские комплекты химзащиты или укутанных в брезентовые костюмы и толстые дождевые плащи посреди едва ли не тридцатиградусной жары. Специального снаряжения катастрофически не хватало, и одно за другим приходили сообщения о вспышках эпидемии в лагерях беженцев. Из лагерей мгновенно началось повальное бегство, толпы обезумевших от страха людей нападали на военные подразделения, стремясь отобрать у солдат средства индивидуальной защиты. Вспыхнули кровавые столкновения, но вскоре информация из обеих Америк стала поступать обрывочно. Информационные агентства потеряли связь со своими корреспондентами и съемочными группами, американский интернет затих. В самых последних сообщениях тамошних блогеров говорилось о вспышках эпидемии среди военных, из-за чего поползли слухи, что против неизвестной эпидемии не помогают даже средства химзащиты. На этом фоне мольбу стран азиатско-тихоокеанского региона, отчаянно просящих помощи, особо никто не заметил.

Михаил выхватил из шкафа пластиковый пакет с противогазами и армейскими ОЗК и усмехнулся. Конечно, никто не заметил, кому он теперь нужен, этот азиатский регион?! Тут самим бы выжить! Европейский континент замер в ужасе, ожидая пришествия эпидемии из Англии, и она не заставила себя ждать. Первый очаг вспыхнул во Франции, затем в Бельгии, и в Западной Европе началась паника. Под вечер эпидемия добралась до Скандинавии, и отец Михаила, высокопоставленный офицер Питерского ФСБ, поздно ночью прислал к нему водителя с этим самым пакетом. В нем обнаружили три противогаза и два ОЗК, на восьмилетнего ребенка средства армейской химзащиты не производили...

– ...мы будем держать вас в курсе событий! – продолжал вещать телевизор. – Пока ни в России, ни в странах Восточной Европы не зафиксировано ни одного случая заболевания, и Президент ещё раз призвал граждан проявить спокойствие и выдержку...

Михаил зло ухмыльнулся, бросая взгляд на диктора. Интересно, эта баба так профессионально врёт или действительно ещё никто не знает? Если второе – то это хорошо, удастся добраться до загородного дома родителей без особых проблем. Главное скорее уехать с Васильевского острова.

– Лера! – он закончил переодеваться, подхватил рюкзак и пакет с химзащитой и выбежал в прихожую. – Вы готовы?! Давай быстрее, чего ты там возишься?!!

– Не ори! – через раскрытую дверь зашипела на него бледная как полотно жена. – Напугаешь её!

– Мы должны торопиться! – Он бросил пакет и поспешил в детскую с открытым рюкзаком в руках. – Если разведут мосты, будет поздно! Что надо брать?! Бросай в рюкзак! Да шевелись же!

– Папа, почему ты ругаешься? – насупилась Ксюша. – Днем мосты не разводят, ты разве не знаешь? Только когда под ними плывут корабли, но если подождать, мостик снова опустится!

– Да-да, конечно! – поспешил согласиться Михаил. – Обязательно опустится! Но мы же не хотим стоять в пробке, да? Помнишь, какая пробка собирается, когда днем разводят мост?

– Не хотим! – согласилась дочка и деловито направилась в прихожую. – Я пошла обуваться! Мама, можно я надену резиновые сапожки с бабочками?

– Можно, милая! – Лера затолкала ему в рюкзак шкатулку с драгоценностями и несколько пакетов с каким-то барахлом. – И возьми курточку!

– Я же сказал много не брать! – тихо прошипел Михаил. – Дома у родителей полно нашего барахла! Еды возьми на всякий случай, и воды!

– Уже взяла! – окрысилась Лера. – В пакете лежит! Остальное Ксюшины вещи, – она продолжала пихать в рюкзак свертки, – я не оставлю ребенка без сменной одежды, а если ливень пойдет?!

Выйти из дома удалось только через десять минут. На улице было ещё спокойно, и Михаил торопливо усадил жену и дочь в машину. Дорогой внедорожник взревел двигателем и помчался по узкой улице, распугивая прохожих. Вслед ему неслась возмущенная ругань, но Михаилу было плевать. Он выехал со двора и прибавил газу, непрерывно сигналив всем, кто попадался на пути. Странно, что эти лохи до сих пор бродят спокойно, раз метро перекрыли. Это к лучшему. Михаил вывел машину на Малый проспект и едва не столкнулся с элитной иномаркой, промчавшейся мимо на совершенно дикой скорости. Значит, не в курсе только колхозники, понял он, серьезные люди уже знают. Он утопил педаль в пол, и внедорожник рванулся вперед, визжа резиной. Сейчас на Девятую линию, по ней до набережной Шмидта и на Благовещенский мост, отец велел выезжать там, этот мост будут разводить последним. Пять минут езды на такой скорости...

– Черт! – Михаил инстинктивно нажал на тормоз. Элитная иномарка, мчащаяся впереди, на полной скорости сбита человека. Несчастного кувыркнуло через крышу так, что с ног слетела обувь, но иномарка даже не сбросила скорость. Её занесло, боком впечатывая в припаркованную на обочине машину, но водитель только прибавил газа. Дорогое авто помчалось дальше, сшибая боковые зеркала припаркованным машинам, а к месту происшествия уже бежали люди. Михаил понял, что прямо сейчас вокруг сбитого человека образуется толпа, тут же возникнет пробка, и дорога окажется перекрыта.

– Держитесь! – рявкнул он, вновь утапливая педаль газа и одновременно давя на клаксон.

Внедорожник, ревя мотором и сигналом, разогнал толпу, вскользь задев сразу несколько человек, и помчался дальше.

– Осторожнее! Что ты делаешь?! – тихо зашипела Лера, оглядываясь. – Ты кого-то сбил! Они фотографируют наш номер!

– Да по фиг! – сквозь зубы процедил Михаил. – Если что, скажу, что водитель был за рулем. Все знают, что я вожу только по выходным. Дадим денег, кому надо, и вопрос порешают. Если тут все не передохнут или не поубивают друг друга за противогаз или респиратор!

Он вспомнил телефонный разговор с отцом. Тот велел бросать всё, забирать семью и мчаться к загородному дому. Не забыть ОЗК с противогазами и обязательно отпустить водителя и охранника. Если начнется паника, эти двое могут оказаться первыми, кто воткнет нож в спину, чтобы заполучить средства химзащиты. Как хорошо, что отцовский звонок застал его прямо в автомобиле, в пяти минутах от дома...

– Мама, смотри! Тётеньке плохо! – воскликнула Ксюша, прижимаясь лицом к дверному стеклу и провожая взглядом остающуюся позади толстую тётку, корчащуюся в судорогах на тротуаре.

– Тётя просто шутит! – Лера схватила дочку и прижала её к себе. – Она актриса, это такая роль!

– Актриса? – переспросила Ксюша. – Как ты?

– Конечно нет! – улыбнулась Лера. – До твоей мамы ей далеко! – Она обернулась к Михаилу и прошептала: – Гони! Гони быстрее!!! – И вновь расплылась в улыбке: – Ксюшенька, а давай репетировать роль? Мы будем играть храбрых пожарных, которые отважно тушат пожар и выносят из огня пушистых котят!

– Давай! – захлопала в ладоши Ксюша. – А где мы возьмем котят?

– Котят мы отыграем, как часть роли! Но чтобы быть похожим на пожарных, нам надо надеть противогазы! – Она нашарила лежащий на полу у заднего сиденья пакет с химзащитой и вытащила оттуда противогазную сумку. – Сейчас ты станешь отважным пожарным!

– Ой, там еще кто-то роль репетирует! – Ксюша ткнула пальчиком в стекло, указывая на бьющегося в конвульсиях мужчину, от которого во все стороны разбежались прохожие.

– Сегодня день театральных репетиций! – Лера развернула дочку к себе и принялась натягивать на неё противогаз. – Поэтому папа тоже будет играть с нами! Он станет главным пожарным, а наш джип превратится в пожарную машину!

К Благовещенскому мосту Михаил успел в самый последний момент. Васильевский остров стремилось одновременно покинуть несколько десятков дорогих иномарок, и заполонивший мост поток быстро терял скорость и увеличивал плотность. Внедорожник Михаила только подъезжал к середине моста, а позади него уже образовалась огромная пробка. Сигнал, сообщающий о начале разведения моста, заставил всех вздрогнуть, и Михаил посмотрел в зеркало заднего вида. Мост разводили прямо с машинами на нём. Кому-то удалось прорваться, несколько машин попытались газануть и перепрыгнуть образующийся разрыв, но места для набора скорости уже не было. Автомобили врезались в расходящиеся створы и падали в воду. Вот так, подумал Михаил, никаких предупреждений и уговоров. Кто не успел – тот опоздал! И ведь ни одного мента на мосту! Хотя, пожалуй, это правильно. Если бы там появилась полиция, паника вспыхнула бы мгновенно. Все подряд ринулись бы спасаться, машин на мост набилось бы в десять раз больше, и не факт, что его вообще удалось бы развести под такой нагрузкой. Кто знает, успел бы лично он покинуть остров...

Полиция обнаружилась на съезде с моста. Десятка два патрульных экипажей и два БТР перегораживали проезд. Всех, кто выехал с острова, разворачивали на Английскую набережную и заставляли выходить из машин, объявляя помещенными в карантин. Вдоль набережной стояли несколько карет «скорой помощи», автобусы службы санитарно-эпидемиологического контроля и автозаки с ОМОном. Медработники осматривали выходящих из машин людей прямо на улице, под присмотром вооруженных солдат в ОЗК и противогазах. Михаил сразу же набрал телефонный номер отца, но тот велел проходить осмотр вместе со всеми. На осмотре обязательно сказать, что они покидали остров в противогазах, после чего ждать его звонка. Ждать пришлось полчаса, но за это время капризная питерская погода успела испортиться, пошел мелкий дождь, и все попрятались по машинам. Потом омоновцы разблокировали выезд и разрешили всем разъезжаться.

Михаил, чертыхаясь, вел машину по забитым улицам. Народ рвался из города толпами, машины ползли сплошным потоком, и скорость была немногим выше пешеходной. Хорошо хоть на мелкие столкновения уже никто не обращал внимания, и глухих пробок пока не возникало, но это утешало лишь едва. По всем радиоканалам непрерывно транслировались сообщения властей, призывавших граждан не покидать свои квартиры. Объяснялось это тем, что якобы есть подозрения, что эпидемия вспыхивает в местах большого скопления народа. И отец сказал то же самое, потребовав вообще не

снимать средства химзащиты до самого загородного дома. Вести автомобиль в противогазе было неудобно, дышалось тяжело и воняло резиной. У Ксюши постоянно запотевали окуляры, дочка капризничала и куксилась, и Лере приходилось время от времени снимать с неё противогаз и протирать стекла. За двадцать минут дерганой езды в вяло ползущем потоке им не удалось добраться даже до городских окраин. Донельзя раздраженный Михаил в очередной раз надавил на сигнал клаксона, стремясь промотивировать плетущихся в пробке козлов, но тут идущий впереди автомобиль неожиданно рванулся вперед, врезался в следующую машину и потащил её дальше. Оба авто врезались в кого-то еще и заглохли, застопорив движение.

– Что за... – взбешенно взвыл Михаил, но выругаться не успел. Внедорожник сотряс сильный удар, и его вбило в спинку кресла, ударяя затылком о подголовник. От удара противогаз провернуло на густой шевелюре, уложенной в модельную стрижку, и его пришлось поправлять.

– Ксюша, ты не ударилась? – Лера торопливо осматривала ребенка.

– Мама, в нас кто-то врезался? – Ксюша вырывалась из её рук и вглядывалась в заднее стекло, неуклюже вытягивая шею в противогазе. – Надо вызывать полицию и аварийного комиссара?

– Оставайтесь в машине! – велел Михаил. – Я схожу, разберусь. Пусть эти придурки или едут дальше, или убирают свои утиля с дороги к чертовой матери!

Он вышел из автомобиля, прикрывая рукой от дождя окуляры противогаза, нащупал в кармане куртки травматический пистолет и двинулся к заглохшим впереди машинам. В травматику Михаил особо не верил, отец отзывался о ней скептически, и потому нанимал охранника. Но на всякий случай ствол всё же купил, мало ли что. И сейчас он, если потребуется, непременно его использует... Михаил замер. Внутри впередистоящего автомобиля плевался кровавой пеной человек, охваченный конвульсиями. На пассажирских сиденьях уже никто не шевелился, лишь кровавые плевки на стеклах сообщали о том, что там тоже кто-то сидел. Михаил бросился к своему внедорожнику и понял, что вся пробка вокруг него уже не движется, замерев в одном массовом столкновении. Люди в машинах бились в судорогах, кто-то уже затих, некоторым удалось открыть дверь и вывалиться на пузырящуюся дождевыми каплями дорогу... Задыхающиеся тщетно хватали ртом воздух и дико хрипели, катаясь по грязным лужам. Михаил влетел в машину, захлопнул дверь, заблокировал двери и включил внутреннюю циркуляцию воздуха в салоне.

– Лера, доставай ОЗК! – глухо закричал он через противогаз. – Надо убираться отсюда! Вокруг кроме нас больше нет живых! – Он выхватил телефонную трубку и судорожно затыкал пальцем в сенсорный экран, вызывая набор отцовского номера.

– Но у Ксюши нет снаряжения! – вскрикнула Лера. – Ей нельзя выходить на улицу! Звони своему отцу, пусть пришлет сюда спасателей! Кого угодно! Пусть вытащит нас отсюда!

– Он не берет трубку! – Михаил взбешенно перенабирал номер. – Надевай на неё всё, что есть! Закутаем в мой дождевик, он прорезиненный!

– Я никуда её отсюда не поведу! – истерично взвизгнула Лера. – Она заразится! Мы закроемся в машине и будем ждать спасателей, понял?! Звони, давай, своему папочке! Если он решил бросить моего ребенка здесь на произвол судьбы, я тебе глаза выцарапаю!

Впечатлительная Ксюша, вздрагивающая от материнских криков, заплакала и попыталась стереть текущие слезы. Но её ладошки лишь уткнулись в резину противогаза, и девочка захотела избавиться от него. Лера снова взвизгнула, отбрасывая дочерины руки, и принялась поправлять на ней шлем-маску, запрещая Ксюше дотрагиваться до противогаза руками. Дочка заплакала ещё сильнее, и Михаил злобно выругался на отца, в пятый раз не берущего трубку.

– Лера, он не отвечает! – Михаил обернулся к жене. – А если он уже никогда не ответит?! Мы не можем сидеть здесь вечно, среди эпидемии! Надо укутать её целиком и идти пешком! Мы дойдем до того места, где заканчивается пробка, найдем машину и уедем отсюда!

Он вытащил из отцовского пакета сумку с ОЗК и принялся доставать из неё защитный комплект. Армейское снаряжение, как и всё армейское, оказалось уродливым, нелепым и неудобным. Как вообще это правильно надевать?! Надо было посмотреть в интернете, была же вчера такая мысль! Ладно, он разберется сам, вояки слишком тупоголовы, чтобы придумать что-то сложное, тут всё должно быть элементарно...

– Как это одевается?! – продолжала истерить Лера, вытряхивая из своей сумки защитный комплект. – Чего ты смотришь?! Помоги мне! Ксюша! Не трогай противогаз, я сказала! Убери руки!

– Там все просто! – попытался успокоить жену Михаил. – Сапоги одеваешь на ноги, сверху плащ с капюшоном, потом застегиваешь...

– Там люди в противогазах! – перебила мужа Лера, выбрасывая руку в сторону ветрового стекла. – Это спасатели! Чего ты сидишь?! Позови их!

Михаил оглянулся. Среди замершего под дождем скопления машин бежало несколько человеческих фигур. Он выскочил из машины и закричал, стремясь привлечь их внимание, но никто из них не обернулся. Три человека в разношерстной гражданской одежде в противогазах лишь побежали ещё быстрее. Вряд ли они были спасателями. Михаил закричал сильнее, злясь на противогаз, плохо пропускающий звук, как вдруг прямо на его глазах один из корчащихся на асфальте людей перестал задыхаться и рывком вскочил на ноги. Он тяжело дышал, словно от запредельного возбуждения, раздувая ноздри, и озирался диким взглядом, явно не понимая, где находится и что происходит. В следующую секунду человек увидел убегающих людей в противогазах и бросился следом. Он сорвался с места со скоростью заправского спринтера, в два счета догнал бегущих и с разбега бросился на спину ближайшему из них. Человека швырнуло на одну из многочисленных машин, отбросило на асфальт, и вцепившийся в него нападающий уселся сверху и осыпал жертву градом беспорядочных ударов. Тот быстро потерял сознание, и в следующий миг нападавший вцепился зубами ему в шею, выгрызая из неё кусок кровавой плоти.

Возмущенный крик застыл у Михаила в горле. Товарищи подвергшегося нападению человека, увидев творящееся зверство, развернулись и бросились на выручку. Один из них, словно футболист, на бегу изо всех сил ударил нападающего ногой под ребра. Того опрокинуло на асфальт, но, похоже, обезумевший тип совершенно не чувствовал боли. Он вскочил сразу же и бросился на своего обидчика, дико рыча от ярости и бешено выпучив налитые кровью глаза. Псих сшиб футболиста с ног, но третий человек в противогазе сжимал в руках битую и, не раздумывая, наотмашь нанес ему нападающему удар по голове. Но вместо того, чтобы потерять сознание, псих лишь зарычал ещё безумнее и бросился на обидчика. Тот ударил битой ещё раз, заставляя психа опешить, потом ринулся на него всем телом и сшиб с ног. Псих упал, и человек принялся бить его битой по голове, нанося удары как можно шире. Через несколько секунд голова психа была размозжена в кровавую кашу, и нападавший затих. К тому моменту футболист был уже на ногах, и оба, не сговариваясь, бросились бежать дальше. В следующую же секунду из-за стоящих всюду машин со всех сторон к ним бросились не меньше десятка обезумевших людей. Толпа мгновенно сбила беглецов с ног и облепила, словно муравьи добычу. Сквозь дикое, почти звериное рычание нападающих Михаил услышал душераздирающий крик боли. Это вывело его из ступора, и он буквально влетел обратно в свой внедорожник.

– Где спасатели?! – взвизгнула Лера. – Ты позвал их?!

– Тихо!!! – паническим шепотом выкрикнул Михаил, блокируя двери и опуская сиденье как можно ниже. – Замолчите и спрячьтесь! Там толпа каких-то психов нападает на людей! Они только что убили тех троих! Зубами разорвали горло! Замрите, и ни звука!!!

Ксюша, услышав такое, снова заплакала, и Лера, побелев от ужаса, принялась её успокаивать, одновременно пряча за сиденьями. В этот миг в борт внедорожника с разбега впечатался человек, и все замерли в ужасе. Человек был без каких-либо средств защиты, его лицо было искажено гримасой злобы, глаза налиты кровью, он тяжело дышал ртом и ощупывал машину, словно знал, что в неё можно войти, но не помнил, как это делается. При этом он не вглядывался в тонированные стекла, а пытался не то услышать, не то унюхать тех, кто находится внутри. Человек медленно, всем телом, будто полз по машине словно по вертикальному льду в поисках входа. Что-то ударило в противоположенный борт, Михаил резко обернулся и увидел ещё одного психа с кровавыми глазами. В следующую секунду в машину впечатался третий, четвертый, и через несколько секунд внедорожник был облеплен обезумевшей толпой. У Леры не выдержали нервы, и она истошно закричала от ужаса, заглушая Ксюшин плач. Психи мгновенно пришли в ярость и принялись колотить по машине руками и ногами, стремясь прорваться внутрь.

– Идите на хрен, ублюдки!!! – заорал Михаил, выхватывая травматический пистолет. – Валите отсюда! Или всех перестреляю!!!

Водительское стекло не выдержало ударов и разлетелось вдребезги, обдавая его осколками. В разбитое окно ринулись сразу два психа, мешая друг другу, и один из них, не сумев достать до лица, вцепился Михаилу в куртку.

– На, сволочь!!! Получи!!! – Михаил ткнул психу в физиономию пистолетным стволом и судорожными рывками нажимал на спусковой крючок.

Пистолет дергался в руке, один за другим производя выстрелы, но псих не обращал внимания на бьющие в лицо резиновые пули, в кровь рвущие кожу. Патроны закончились, и Михаил попытался бить психа пистолетом по голове, как вдруг острая боль пронзила легкие, сжимая их в комок и выталкивая из груди весь воздух. Тело скрутило жестокой судорогой, едва ли не на части рвущей слабые мышцы, окуляры противогаза мгновенно запотели, но Михаил уже не видел перед собой ничего, кроме кровавой пелены, источающей удушье и резкую боль. Откуда-то до его слуха донеслось Лерино хрипение, и сознание рухнуло в бездну мучительной боли.

Как долго безумная боль терзала его мозг и тело, Михаил не помнил, всё его существование превратилось в одно жестокое страдание, разбивающее сознание на мелкие осколки. Неожиданно голова перестала болеть, и он понял, что тело тоже не терзают запредельные мучения. Михаил открыл глаза, но увидел лишь мутную пелену. Он попытался протереть глаза, но руки наткнулись на нечто, облепившее ему лицо. Это нечто было холодное и скользкое, оно мешало дышать и смотреть. Михаил попытался содрать с лица нечто, но нечто не хотело сдираться. Он мгновенно пришел в ярость и принялся рвать нечто прямо на себе, наводя на него ужас угрожающим хрипением. Нечто испугалось и отлепилось, оставшись в руках. Михаил издал победное сипение и зубами вгрызся в добычу. Однако нечто оказалось совершенно несъедобным, откушенный кусок пришлось выплюнуть, а нечто выбросить. Он осмотрелся в поисках еды. После отступления боли голод терзал его с ужасной силой, и инстинкт подсказывал, что где-то рядом есть еда, надо только её найти. Он находился в каком-то странном месте, тесном, неудобном, и при этом смутно знакомом. Из него можно выбраться, это совершенно точно, но как именно сделать это, он не помнил. С каждой секундой есть хотелось всё сильнее, невидимая еда заполнила всё его сознание, и от того, что она до сих пор не найдена, бешенство охватило Михаила с новой силой. Он начал ползать по неудобному пространству в поисках выхода, свалился с какой-то мягкой поверхности на твердую и в этот миг обнаружил еду. Еда забилась

между мягкой и твердой поверхностями и спряталась за каким-то трупом. То, что именно за трупом, Михаил ощущал совершенно точно. Труп, кстати, был достаточно велик для того, чтобы наесться, но свежая еда многократно приятнее мертвечины, это каждому известно. Спрятавшаяся еда поняла, что её нашли, и заверещала тонким и омерзительно противным визгом, призывая какого-то папу чего-то там не делать. Выяснить, что это значит, обуреваемому лютым голодом Михаилу было совершенно не интересно, поэтому он осыпал визгливую еду ударами так сильно, как только мог, и она наконец-то перестала верещать и дергаться. Подстегиваемый голодом Михаил разодрал на ней одежду, выбрал место пожирнее и с наслаждением принялся есть.

Москва, аэропорт Домодедово, четыре дня спустя

– Слева! Между креслами!!! – затянутый в ОЗК человек в противогазе резко развернулся, вскидывая автомат, и очередью в упор встретил выпрыгивающего на него разъяренного мужика с клюшкой для гольфа в руках.

Нападающего прошило десятком пуль, он пошатнулся, но не упал, а с безумным яростным хрипом замахнулся клюшкой. Человек с автоматом отпрыгнул, поднимая оружие выше, и короткая очередь разнесла противнику голову.

– Назад! Назад! – крик командира глухим гулом пробивался через резину противогаза. – Отходим!!! Их сейчас набегит немерено! Все на выход!

Полтора десятка вооруженных людей в ОЗК торопливо отступали к неработающим эскалаторам и спешили добраться до стоящего на первом этаже БТР, захавшего в здание аэровокзала прямо через стеклянную стену. В руках помимо автоматов они несли пакеты, набитые продовольственными товарами из ближайшего кафе. Из глубины огромного аэровокзала в их сторону бежали разъяренные люди с налитыми кровью глазами, издающие надсадное сипение. С каждой секундой их количество стремительно возрастало, и башенный пулемет БТР открыл огонь, прикрывая отход своих товарищей. Крупнокалиберные пули поражали разномастную толпу атакующих врагов, но даже они уничтожали мутантов не всегда. Кто-то из монстров умирал, лишившись головы или заработав дыру в груди вместо сердца, остальные спотыкались от попаданий, но продолжали рваться в атаку с удвоенной силой. Военным удалось уйти от столкновения едва ли не чудом. Солдаты успели добраться до БТР и торопливо побросали пакеты с добычей в распахнутые двери боевой машины. Несколько человек забрались внутрь, остальные полезли на броню, и бронетранспортер, взревев двигателем, задом вышел из аэровокзала. На привокзальной площади его ожидала пара БМП с десантом на броне, также с ног до головы затянутым в ОЗК.

– Нас заметили! – один из сидящих на броне БТР военных уткнулся противогазом в рацию, торчащую из кармана надетой поверх ОЗК разгрузки. – Они бегут сюда со всех сторон!

– Принято! – невнятно зашипел эфир в ответ. – Разворачивайтесь, мы прикроем!

Бронетранспортер заложил вираж, разворачиваясь мордой на выезд, и автоматическая пушка БМП коротко громынула, посылая внутрь аэровокзала тройку тридцатимиллиметровых осколочно-фугасных снарядов. Серия разрывов вздыбилась среди сбегающих преследователей, и атака захлебнулась. Взбешенные люди попадали на разбитый пол, усеянный обломками, и начали энергично расползаться в разные стороны. Некоторые из них так и остались лежать, и к усеивающим пол аэровокзала лужам засохшей крови прибавились свежие кровавые ручейки.

– Чертовы зомби! – говоривший в рацию офицер зло выругался. – Живучие, твари!

– Они не зомби, товарищ старший лейтенант! – пробубнил через противогаз сидящий рядом солдат. – Зомби – это восставшие мертвецы. А эти люди не умирали. У них кровь сворачивается, когда ранят,

значит – живые. Их эпидемия сильно изменила, так профессор сказал. Он говорит, что правильнее называть их мутантами.

– Да наплевать! – офицер снова выругался. – Зомби, мутанты... Какая разница?! Мне по фиг, как их называть! Они плохо дохнут – вот это проблема! А у нас жратвы нет и вода заканчивается!

Солдат промолчал, и дальше ехали без разговоров. Броня обогнула здание аэровокзала и двинулась к складу ГСМ. На повороте старший лейтенант бросил взгляд вдаль, на безмолвный блокпост, перегораживающий трассу аэропорт – Москва. Первоначально позиции его роты располагались там...

Когда батальон спецназа ВВ, в котором служил старший лейтенант, подняли по тревоге, приказали получить ОЗК, средства РХБЗ и бросили брать под контроль аэропорт Домодедово, он с психу чуть было не написал рапорт на увольнение. Летний отпуск накрылся, а вместе с ним накрылись и планы на личную жизнь. Тогда он ещё не знал, что это назначение, разбив ему жизнь личную, спасло всю остальную. Вспышку эпидемии он встретил, стоя на этом самом блокпосту в полном комплекте средств химзащиты. Старший лейтенант как раз материл про себя противогаз, дышать через который уже осточертело, а заодно и идиотское начальство, издавшее приказ не снимать противогазы во время дежурства в обстановке полного отсутствия какой-либо угрозы. Он даже завидовал тем сослуживцам, кому достались противогазы старого образца, с гофрированным шлангом, соединяющим шлем-маску с фильтром. Для облегчения дыхания шланг можно было незаметно открутить от фильтрационной коробки, но из противогазной сумки не вынимать, что со стороны создавало видимость целостности конструкции. Все счастливицы так и сделали в первый же час дежурства. Ему же достался новый противогаз, вообще без шланга, а открутить фильтр от маски незаметно было невозможно. Своё невероятное везение старший лейтенант осознал лишь через двое суток, когда по всему аэропорту начались массовые судороги.

Народу к тому моменту в аэровокзале скопилось бесконечное количество. Множество рейсов были отменены, залы ожидания и близлежащая гостиница переполнены пассажирами, ещё надеющимися вылететь домой. Эпидемия накрыла всех разом и внезапно, без каких-либо первичных признаков. Тысячи людей падали, сотрясаясь в конвульсиях, хрипели от жуткой боли и тщетно хватали ртом воздух. Батальон мгновенно потерял половину личного состава – эпидемия сразила всех, кто не был в противогазе, так как отдыхал после дежурства в разбитых возле блокпоста палатках, а также всех самых хитрожопых, воспользовавшихся хитростью со шлангом... Но не все из трясущихся в конвульсиях умерли. Половина из них оклемались и озверели до состояния животной ярости. Они толпами бросались на солдат, сбивали с ног и рвали зубами, пожирая человеческую плоть! Старший лейтенант, когда увидел такое, не поверил своим глазам и остолбенел, из-за чего толпа зомби, или как там их правильно – мутантов, чуть не сожрала его самого. Он расстрелял автоматный магазин за несколько секунд, но смог убить лишь одного мутанта. Остальные даже не падали! От страха он сам не помнил, как рванул бегом к БТР и заперся в десантном отделении.

Внутри бронетранспортера старший лейтенант запрыгнул на подвесное сиденье башенного стрелка, но расстреливать людей из пулеметов башни долго не решался. Если вспышка эпидемии закончится, то за массовое убийство граждан ему будет гарантировано пожизненное... В итоге он перезарядил автомат и через амбразуры для десанта отстреливал только тех, кто бросался на трупы умерших солдат его взвода. На то, чтобы понять, как убивать этих монстров, ушло полторы сотни патронов. Мутанты оказались фантастически живучими и умирали только от попаданий в сердце и голову, причем во втором случае было необходимо точно прострелить мозг, неприцельного выстрела в лицо зачастую было недостаточно. Кроме того, мутанты отнюдь не были тупыми, как ходячие мертвяки в голливудских блокбастерах. Они осознали, что под плотным обстрелом им грозит опасность, и потому нахрапом на стволы лезли только толпой, иначе же запросто могли прекратить атаку,

попрятаться за укрытиями и распознать кто куда. А ещё эти твари постоянно хотели жрать! Они бросались на живых от голода, а когда живых не было, начинали пожирать трупы. Огромные толпы мутантов, выплеснувшиеся из аэровокзала и гостиницы, перебили всех, до кого смогли добраться, после чего вернулись обратно и уволокли с собой всех мертвецов. Старший лейтенант снова пересел на место башенного стрелка и через прицел наблюдал, как вместе с гражданскими мутантами к гостинице бредут мутанты в армейской форме...

Он просидел в десантном отсеке БТР ещё два часа и только потом решился выйти наружу. Тут же выяснились новые печальные подробности. Связи с начальством не было, её вообще ни с кем не было, на его запросы в эфире никто не отвечал. Мобильные телефоны ещё работали, но ни до кого дозвониться он так и не смог. Трубку не брали ни родственники, ни сослуживцы. Зато во втором БТР блокпоста старший лейтенант обнаружил совершенно жуткое зрелище. В момент атаки мутантов в десантное отделение этой машины набилось человек пятнадцать солдат, вдвое больше, чем то количество, на которое оно рассчитано. Солдаты заперлись изнутри, и, судя по всему, некоторые из них оказались заражены. Кто-то умер от судорог, а кто-то превратился в мутанта и бросился рвать зубами своих товарищей. В образовавшейся давке люди пытались отбиваться, и в ход пошли штык-ножи. Но то ли заразившихся оказалось больше и они загрызли всех живых, то ли живые отбились, но были покусаны и потому подхватили заразу и умерли позже, но десантный отсек более походил на скотобойню, набитую изгрызенными и изрезанными трупами.

От увиденного зрелища старшего лейтенанта чуть не стошнило прямо в противогаз. Такого ему видеть не доводилось, и рвоту ему удалось сдержать с большим трудом. В этот момент со стороны второго блокпоста донеслась беспорядочная стрельба, и старший лейтенант решил пробиваться туда. Он сел в свой БТР и повел его ко второму блокпосту. Тот был организован немногим далее по трассе, на перекрестке у стационарного поста ДПС. И положение там было не намного лучше. Перекресток был забит брошенными машинами, сам пост ДПС раскурочен толпой, блокпост кишел мутантами, жрущими мертвецов. Внутри обоих БТР блокпоста засели солдаты, укрывшись от них так же, как он четырьмя часами ранее, и долбили по мутантам, насколько позволяли сектора обстрела. Попасть в тех, что оказались вплотную к бронетранспортеру, они не могли, и целая толпа мутантов ползала вокруг боевых машин на четвереньках и дралась друг с другом за трупы убитых. Приближение нового БТР вызвало у них приступ бешенства, и мутанты бросились на бронетранспортер. Старший лейтенант с удовольствием передавил не меньше десятка хрипящих от ярости уродов, остальные перестали лезть под колеса и разбежались, исчезая в складках местности с поразительной скоростью.

Из личного состава второго блокпоста выжило одиннадцать контрактников, но оба БТР были не на ходу. И командиры, и механики-водители обеих машин в момент заражения находились в отсеках управления, и у всех или почти всех противогазные шланги были отвинчены от фильтров. Кто из них стал мутантом, а кто нет, было не ясно, да и не важно. Между ними завязалась борьба, точнее, грызня, в процессе которой кто-то или случайно, или специально выдернул чеку ручной гранаты. Граната взорвалась и вывела из строя управление бронетранспортером, а в отсеке управления второго БТР кто-то пытался вести беспорядочный огонь из автомата в упор. Рикошетирующими пулями были напигованы и приборы, и оба солдата. В итоге все выжившие уместились на бронетранспортере старшего лейтенанта, и он, как старший по званию, принял на себя командование и решил двигаться к городу.

Неподалеку от МКАД на одной из заправок они натолкнулись на пару БМП и грузовик. При них было десятка три бойцов в ОЗК, занимавших круговую оборону, пока несколько их сослуживцев пытались вручную заправить технику. Выяснилось, что армейцы отступают из Москвы, потому что там творится полный абзац, и связи с начальством у них тоже нет. Зато есть связь с соседями, точнее с

теми из них, кто выжил, и дела там обстоят ещё хуже. Все потеряли более девяноста процентов личного состава, выжившие подразделения отрезаны друг от друга миллионами мутантов, дороги намертво забиты тысячами машин, и никто не понимает, что делать. Совершенно ясно только одно – выжили лишь те, кто был в ОЗК и противогазах. Теперь народу страшно даже сходить отлить, и для этого люди стараются забраться в любое помещение как можно глубже, в надежде, что там кратковременная разгерметизация не приведет к заражению.

Майор, командовавший армейцами, принял решение первым делом добраться до ближайшего торгового центра и запастись водой и питанием. Там и произошел первый серьезный бой с мутантами. Пока небольшая колонна приближалась к зданию торгового центра, он выглядел абсолютно пустым и безлюдным. Но едва бойцы вошли внутрь, как на них набросились сотни мутантов, прятаящихся в торговых залах. Высокопрофессиональных навыков ведения боя в ОЗК и противогазе толком никто не имел, и схватка вышла кровавой и жуткой. Автоматы били в упор, но мутанты были живучи и многочисленны, чувствовали своё преимущество и разбежаться не собирались. Почти все они оказались вооружены ножами или дубинами, и вырваться из торгового центра удалось едва половине солдат. Старшему лейтенанту вновь повезло, в жестокой мясорубке он получил несколько ножевых ударов, но все они прошли вскользь по разгрузке. ОЗК оказался прорезан в трех местах, однако ни один из ударов не дошел до тела. После того как выжившие вырвались из торгового центра и автоматические пушки БМП подавили огнем хлынувших следом мутантов, колонна откатилась подальше от МКАД и остановилась лишь тогда, когда вокруг закончились жилые постройки.

Тут старшего лейтенанта едва не пристрелили, увидев изрезанный ОЗК. Все решили, что он заражен и вскоре мутирует. От неминуемой смерти его спасло появление профессора. Точнее, изрядно раскуроченной кареты «скорой помощи», в которой он ехал по какому-то проселку, выходящему на трассу. «Скорую» заметили, дали очередь в воздух и помигали прожектором. К тому времени уже вечерело, и сигнал был хорошо виден. Выяснилось, что машину профессор нашел недалеко от коттеджного поселка, в котором обычно жил, а теперь уносил ноги от своих земляков, ставших мутантами. Профессор оказался каким-то биологом из института не то вирусологии, не то бактериологии, не то это был один и тот же институт – старший лейтенант тогда не запомнил, когда тебя хотят расстрелять, тут не до таких подробностей. Профессор был в респираторе и первым делом спросил, не найдется ли для него лишнего противогаза, а вторым делом предложил не убивать старшего лейтенанта немедленно. Он заявил, что, по его наблюдениям, заражению не всегда подвергаются без ОЗК, вот он сам, например, не заражен, хотя от ОЗК бы не отказался. Короче, если порезов нет, то может, и повезло. Это и спасло старшего лейтенанта.

Посоветовавшись, было решено вернуться в аэропорт Домодедово. Там есть цех бортового питания, то есть еды и воды должно быть много, и горючего в аэропорту точно полно. А главное, там меньше мутантов. Их там сотни, а в пригородах сотни тысяч, не говоря о Москве, в которой их наверняка миллионы. В первую очередь надо наладить элементарный быт, чтобы не умереть от голода, попытаться наладить связь и разобраться в обстановке. До аэропорта добрались спокойно, если не считать толп мутантов, выбегающих из каждого дома и порывающихся догнать колонну. Цех бортового питания нашли не сразу, а когда нашли, оказалось, что он кишит мутантами. Мгновенно вспыхнул ещё один бой, в результате которого уродов удалось частично перебить, частично обратить в бегство. Цех заняли, но всё оказалось не так, как хотелось. Мутанты сожрали всю еду, включая полуфабрикаты. Похоже, цех и его склады подверглись массовому нашествию ещё днем, и сейчас в нем оставались лишь самые голодные мутанты, которым то ли не хватило еды, то ли они просто не успели ворваться сюда вовремя. Короче, сожрано было всё подчистую, кроме воды в бутылках и йогуртов в пластиковых стаканах. Профессор заявил, что мутация катастрофически оглушает своих

жертв, раз они не помнят, что такое пластиковая упаковка, и ищут еду по запаху и вкусу. К тому времени на улице наступили сумерки, и было решено закрепиться для ночевки на территории цеха.

Ночью цех атаковали крысы и летучие мыши. Огромное количество крыс появилось повсюду непонятно откуда, полы кишели живым ковром из истерично визжащих тварей, крысиный поток захлестнул всё. Несущим охрану возле боевых машин бойцам удалось укрыться внутри техники, тем, кто ночевал в здании, повезло меньше. Спаслись лишь те, кто успел влезть куда повыше, отстреливаться было бесполезно, крысиный поток казался бесконечен. Запирать двери тоже не помогало, крысы прогрызали в них дыры за несколько минут. Пришлось покинуть цех через окна и бежать к боевым машинам прямо через крысиное месиво. В этот момент на бегущих налетели летучие мыши, норовя вцепиться в лицевую часть противогаза. Одна такая тварь прокусила контрактнику противогаз и вгрызлась в щеку. Солдат упал, крича от боли, и крысиный поток захлестнул его мгновенно. Вопль боли утонул в крысином писке, остальные, сбивая ударами прикладов цепляющихся за ноги тварей, всё же добрались до брони. Техника ушла от цеха бортового питания и остановилась в полукилометре. Крысы настигли колонну через пять минут и бросились грызть колеса БТР и грузовика. Чтобы не лишиться хода, бронетранспортеру и автомобилю пришлось давить крыс, безостановочно двигаясь на малом ходу. За ночь колонна раз двадцать меняла место стоянки, но всякий раз крысы находили её, а их количество многократно увеличивалось.

С рассветом крысиная масса стала растекаться, но ещё до того, как последняя тварь исчезла, в небе над аэропортом собралось столько воронья, словно оно слетелось сюда со всей Москвы. Вороний поток ринулся в атаку, сменяя собой крысиный, и всем, кто сидел на броне, пришлось срочно укрываться внутри. Места в десантных отделениях не хватало, ободранные люди набились туда, словно селедки в банку, и старший лейтенант каждую минуту вспоминал о том, что произошло в БТР его взвода в точно такой же ситуации. Вороньё яростно билось в броню, не в силах добраться до десанта, но экипажу грузовика повезло меньше. Лобовое стекло не выдержало ударов птичьего потока, и бешеное вороньё насмерть заклевало водителя и находившегося рядом с ним солдата. Тогда майор приказал поджечь грузовик. В машину вlepили несколько снарядов из БМП, грузовик взорвался и вспыхнул, чадя черным дымом. Пламя отогнало вороньё, но улетать птицы не собирались. Они кружили над боевыми машинами полчаса, пока начавшийся ливень не разогнал их.

К тому времени в баках заканчивалось горючее, и майор приказал двигаться к складу ГСМ. Где конкретно он находится, никто не знал, к тому же ливень усилился и видимость упала. В результате склад пришлось поискать, и БТР встал колом с пустыми баками. Всем, кто в нем находился, пришлось покинуть бронетранспортер и залезть на броню БМП. Вскоре склад ГСМ нашли, но едва техника зашла внутрь и измученные люди вылезли из неё, началась атака мутантов. Они десятками выныривали из ливневой стены, яростно хрипя, и врываются в открытые ворота. Всё произошло настолько внезапно, что их первую волну не успели встретить огнем. Вспыхнула рукопашная схватка, мутантов расстреливали в упор, пока они облепили тех, кого успели сбить с ног. Оба БМП пулеметными очередями резали врывающихся в ворота мутантов, но остановить атаку не удавалось. В ход пошли автоматические пушки, и как тогда склад не взлетел на воздух – одному богу известно. Потом ливень стал стихать, и вместе с ним стих поток мутантов.

Сразу выяснилось, что больше десятка человек получили укусы и царапины, ещё столько же имеют разорванные ОЗК. Это едва не закончилось бойней – никто не хотел умирать, и все немедленно направили друг на друга оружие. Обстановку разрядил профессор, всё это время прятавшийся в десантном отделении БМП. Он предложил никого не убивать, а просто следить друг за другом и ждать. Рано или поздно зараженные начнут гибнуть, тогда и станет ясно, что делать дальше и с кем. Заодно это позволит понять хоть что-то о механизме эпидемии. Все, естественно, согласились, уселись

там, где стояли, и принялись не спускать друг с друга глаз, держа стволы наготове. Минут двадцать ничего не происходило, потом людей скрутило судорогами. Причем, во-первых, не всех, а только половину, а, во-вторых, в конвульсиях бились не только раненые, но и те, кто не получил ни царапины, но заработал прорехи в ОЗК. А дальше произошла самая мерзкая хрень. Треть из бьющихся в конвульсиях умерла, остальные подергались секунд пятнадцать, очухались и взглянули на мир налитыми кровью глазами. Они бросились на уцелевших с истерично-бешеным хрипом, и тут уже в них стреляли все: и непострадавшие, и ободранные, и раненые, и даже перепуганный насмерть профессор, которому майор накануне выдал ПМ.

Потом броню с горем пополам заправили и выдвинулись за БТР. Патронов осталось мало, есть хотелось так, что желудок сводило, жажда мучила ещё сильнее, но снимать противогаз никто не решался. Пока реанимировали бронетранспортер, профессор заявил, что пришел к выводу, что эпидемию вызывает некий неизвестный вирус. Вирус этот имеет инкубационный период в двадцать пять минут, и потому любой, кто получит заражение, через это время либо умрет, либо мутирует. Он даже сказал, что определил, как отличить будущего мертвеца от будущего мутанта. Первые бьются в конвульсиях, выплевывая кровавую пену, а вторые – нет. Из этого вытекает, что всем уцелевшим бояться нечего. По крайней мере, до следующего контакта с мутантами. Сложнее дело обстоит с тем, как вирус передается. Этого профессор точно объяснить не мог, но сказал, что с высокой долей вероятности, находясь в стерильном помещении, противогазы можно будет снять хотя бы на время приема пищи. Поэтому надо отыскать медицинский стационар, оборудованный системой кварцевой очистки, и после этой самой очистки поесть. В Домодедово есть больницы, да и в самом аэропорту имеется медицинский пункт. Начать решили с аэропорта.

Пробиться к медпункту оказалось легко. То ли обитавших в здании аэровокзала мутантов почти всех перебили во время ливня, то ли они боялись лезть на стволы, но до аэровокзала броня дошла спокойно. БМП остались прикрывать улицу, БТР протаранил стеклянную стену и вкатился прямо внутрь здания. Немногочисленные мутанты тут же попрятались, разбегаясь с завидной скоростью. К медпункту двигались осторожно, ошестинившись стволами и осматривая каждый угол, но нападения не последовало. Войдя в медпункт, профессор обрадовался и заявил, что дела обстоят даже лучше, чем он рассчитывал. В медпункте есть небольшой стационар, укомплектованный совсем новым оборудованием, мол, наверняка здесь совсем недавно провели ремонт или модернизацию, потому что в глубинке в аэропортах такого не встретишь. На эти подробности всем было плевать, майор разбил людей на две части, одна осталась держать оборону у входа в медпункт, другая приступила к дегазации и дезактивации ОЗК.

Снаряжение обработали штатными растворами, после чего профессор усадил всех на кушетки, запер дверь, включил кварцевые лампы и что-то ещё. В таком положении он продержал всех полчаса, и за это время половина личного состава успела заснуть. Потом профессор заявил, что противогазы можно снять, стянул с себя респиратор и замер, будто сам был не уверен в своих словах. В итоге никто не решился последовать его примеру, пока не истекло двадцать пять минут. Потом стало ясно, что опасности нет, все сорвали с себя снаряжение и бросились потрошить сухие пайки и бутылки с водой, припасенные в цеху бортипитания. В общем, через пару часов все были сытыми и довольными, а профессор стал всеобщим любимцем. На этой волне он предложил основать базу отряда здесь, в медпункте, и все дружно отказались. Держать оборону внутри огромного здания, по которому снуют мутанты, чревато всеобщей гибелью. Тогда профессор велел демонтировать кварцевые лампы и забрать их с собой, чтобы не ездить сюда постоянно. С этим спорить никто не стал.

Лампы забрали, погрузили в бронетранспортер и выдвинулись на мертвые блокпосты. С тамошней брони сняли боекомплект, и шансы прожить ещё немного резко возросли. На обоих блоках не

обнаружилось ни одного трупа, только обилие запекшейся крови и разбросанное повсюду оружие и снаряжение. Профессору нашли противогаз, почти новый, лежал в сумке с порванным ремнем внутри БТР, и пообещали по возвращении на склад ГСМ снять с трупа наименее поврежденный ОЗК. Его можно отмыть в химрастворе и поддержать под кварцевыми лампами. Профессора слегка покорило, но в целом он воспринял это предложение с энтузиазмом. Ещё бы не воспринять! Даже если ОЗК спасает от вируса не всех, от укусов мутантов он защищает гораздо надежнее гражданского пиджачка. На радостях он даже заявил, что раз электроэнергия всё ещё поступает в аэропорт, значит, холодильники в кафешках и прочих забегаловках аэровокзала работают, и что-то из хранящейся там еды определенно можно есть. По крайней мере то, что герметично запаковано, есть можно однозначно. Кто-то из контрактников пожурил ученого, мол, об этом можно было сказать и раньше, пока возились с кварцевыми лампами, на что профессор заявил, что был напуган и не подумал об этом сразу. Майор тут же изрёк, что напуганы, на самом деле, были все, потому что не надо быть профессором, чтобы помнить о том, что в аэропорту есть закусовые с холодильниками. Только какой смысл туда лезть, рискуя нарваться на мутантов, когда у тебя боекомплект на исходе и ты один хрен ничего жрать не станешь, потому что для принятия пищи необходимо снять противогаз. А за таким подвигом не гнался никто.

Короче, отряд перезарядился и вернулся к аэровокзалу. Вот только на второй раз везения не хватило. Если медпункт мутантов не интересовал, то по кафе и магазинчикам в поисках еды их прошлась целая толпа. Все забегаловки были раздолбаны, шкафы, холодильники и полки разбиты и перевернуты, товары рассыпаны. Но в общем профессор оказался прав: мутанты сожрали всё, что не было запаковано в пластик, остальное есть не стали, только разбросали сильно. Пришлось собирать по разрушенным магазинчикам валяющиеся на полу продтовары, которые с виду сохранили герметичность. Всё швыряли в пакеты, особо не разбираясь, чтобы не терять времени, но в этот раз мутанты появились быстро. Хорошо, что их заметили вовремя, и удалось добежать до брони невредимыми и с добычей. Сухого пайка осталось на сутки, и если хоть что-нибудь из найденного можно есть, то это хорошо.

– Стой! – зашипела рация, и воспоминания мгновенно покинули старшего лейтенанта.

Колонна остановилась, и десант вскинул автоматы, вжимаясь в броню и высматривая мутантов. Виднеющийся впереди склад ГСМ на первый взгляд был безлюден, но на территории аэропорта было полно самолетов и обслуживающей техники, замершей где попало. Мутанты могли скрываться где угодно. Сейчас бы тепловизор, подумал старший лейтенант, да где ж его возьмешь...

– Почему мы остановились? – тихо спросил кто-то из сидящих на броне солдат. – Пусто вроде...

– Трупов нет! – шепотом ответил старший лейтенант. – Забыл, какое месиво тут было?!

– Блин... – выругался солдат. – И точно! Это мутанты мертвецов подобрали, они же их жрут!

Подступы к складу ГСМ, ещё недавно усеянные трупами, теперь были пусты. На асфальте, исчерканном пулями и изрытом небольшими воронками от работы автоматических пушек БМП, валялись куски окровавленной одежды, измятая обувь, какое-то рваное тряпье, но не было ни одного трупа. Зато кровищи полно, и мелкие капли начинающегося дождя зловеще шлепались в кровавые лужи. Из головной БМП вылез майор, о чем-то переговорил со своими, и вторая броня, сняв десант, пошла к воротам склада. Не прошло и минуты, как на складе загрохотали пулеметные очереди.

– К бою! – глухо пробубнил в рацию майор, и его бойцы залегли, занимая позиции.

– С БТР не слезать! – старший лейтенант оглянулся на своих солдат. – Вести огонь с брони, целиться в голову или область сердца! Задача: отсекай огнем мутантов от десанта второй БМП! Как только она вернется, они должны успеть залезть на броню!

– Сзади! – оборвал его один из солдат. – Мутанты! Товарищ старший лейтенант! Вон они!

Офицер обернулся. Со стороны аэровокзала к ним бежала толпа мутантов. Штук сто уродов, яростно хрипя, изо всех сил работали ногами и очень быстро сокращали расстояние. В руках они сжимали ножи, обломки мебели, один из мутантов, словно дубину, держал за ствол автомат без магазина.

– Всем к машине, – проорал старший лейтенант, соскакивая наземь, – огонь!!! – Он схватился за рацию: – Бэтэру развернуть башню! Мутанты со стороны аэровокзала! Стрелок, долби!!! Механ[1], не двигайся, своих передавишь!

Солдаты залегли по обе стороны от бронетранспортера и открыли огонь по стремительно приближающейся толпе. Потoki свинца прошивали бегущих мутантов, заставляя их спотыкаться, некоторые получали попадания в голову и падали, остальные хрипели ещё яростнее и бежали ещё быстрее. Пока стрелок разворачивал башню, нападающие оказались в десятке метров от БТР. Крупнокалиберный пулемет бронетранспортера выплюнул длинную очередь, и четырнадцати с половиной миллиметровые пули принялись рвать мутантов в куски. В разные стороны полетели отстреленные конечности, ошметки выдранной плоти и кровавые брызги, но передовая волна нападающих уже была в мертвой зоне.

– В упор!!! – орал старший лейтенант. – Бить в упор! В башку, пока подбегают! Беречь патроны!!!

Он всадил короткую очередь в голову рвущемуся к нему мутанту с ножом и развернул ствол в сторону следующего, лихорадочно лоя мушку в целике через запотевающие от тяжёлого дыхания окуляры противогаза. Старший лейтенант нажал на спуск, автомат дернулся в руках, посылая пулю мутанту в глаз, и тут же шелкнул бойком по пустому патроннику. Офицер отпрыгнул назад, стремясь увеличить дистанцию, рывком отсоединил пустой магазин и полез в карман разгрузки за новым, и в этот миг мутанты настигли его. Сразу два урода бросились на него, сбивая с ног, и навалились сверху, колотя кулаками в лицо. От сильного удара в голове полыхнула боль, и сознание поплыло, лишая тело координации движений. Старший лейтенант пытался закрываться руками, но один из мутантов вгрызся ему в перчатку, прокусывая руку, а второй вцепился зубами в щеку прямо через резину противогаза. В эту секунду кто-то пришел офицеру на помощь, но было уже поздно. Одному мутанту прострелили голову, и он отвалился, а вот второй, получив пулю, задергался в агонии, не разжимая зубов. Его схватили за ноги и отшвырнули от старшего лейтенанта, и мутант, отлетая, зубами содрал с него противогаз. От неожиданности все замерли.

– Мля... – тихо протянул кто-то.

Старший лейтенант почувствовал, как всё внутри похолодело от ужаса, и беспомощно огляделся. Бой был закончен. КПВТ бронетранспортера выкосил всех мутантов, кто не успел добежать до мертвой зоны, остальных перебили его солдаты и подоспевшие на выручку армейцы. Вторая БМП пришла со склада ГСМ с заляпанными кровью и рваными кишками траками и сейчас стояла недалеко от первой. Обе боевых машины вдальблывали из пулеметов рвущихся из ворот склада мутантов, опасаясь работать из пушек, но атакующих с той стороны оказалось не так много, и их валили прежде, чем те успевали пробежать десяток шагов.

– Отбились? – к стоящим возле старшего лейтенанта людям подошел майор. – Потери есть?

– Двое двухсотых и... – один из бойцов кивнул в его сторону, – и он.

– Твою мать! – раздалось из майорского противогаза. Он увидел сидящего на асфальте старшего лейтенанта, машинально стирающего дождевые капли, смешивающиеся с кровью, текущей из рассеченной брови. – Не повезло тебе, старлей... Жаль... Сержант! Взять старшего лейтенанта на прицел! Огонь не открывать! – Майор обернулся к ближайшему солдату: – Боец! Приведи сюда профессора! Кто-нибудь засёк время?!

Профессор долго охал и ахал, выражая соболезнования, но близко подходить не рискнул.

– Да заткнись ты! – не выдержал старший лейтенант. – И без тебя тошно! Сержант, пристрели меня, когда я дергаться начну. Не хочу выяснять, к какому именно типу зараженных я отношусь!

Профессор умолк, и больше никто не произнес ни слова. Все молча смотрели на старшего лейтенанта, ожидая неизбежного финала. Дождь прекратился, мутанты то ли закончились в ближайшем радиусе, то ли попрыгали, запоздало испугавшись боевой техники. Майор выставил наблюдателей, загнав пару бойцов стоять на броне в полный рост, но и они постоянно косились на сидящего старшего лейтенанта, поблескивая на выглянувшем из-за туч солнце окулярами противогозов. Старший лейтенант устало улегся на спину и уставился в небо. Он вдруг понял, что ему плевать. На всё. И даже на то, что с минуты на минуту умирать. Жизнь никогда его особо не радовала, и жалеть о ней серьезных поводов не было, тем более сейчас, когда мир превратился в населенное пожирателями трупов кладбище. Жаль только, что сейчас и его труп сожрет какая-нибудь толпа мутантов...

– Товарищ майор, – тихо произнес сержант. – Уже полчаса прошло... А он ещё живой...

– Точно полчаса? – переспросил майор. – Ты уверен?

– Вообще даже больше, я время засек, когда вы приказали его на мушку взять...

– Старлей! – Полковник сделал шаг вперед. – Слышишь меня? Ты как себя чувствуешь?

– Нормально, – буркнул тот, не поднимаясь. – Как ещё можно чувствовать себя в ожидании смертельной мутации? Офигенно я себя чувствую!

– Не скули! – оборвал его майор. – Профессор, что скажете? Может, эпидемия больше не заразна? Или у него иммунитет, в лучших традициях американских фильмов?

– На первый вариант я бы ставку делать не стал, – ответил учёный, осторожно приближаясь к старшему лейтенанту. – Мы все на это очень надеемся, но проверить это можно только одним способом – кто-то ещё должен снять противогоз!

– Дураков нет, – буркнул майор, невольно поправляя противогоз. – Что насчет иммунитета?

– Необходимо подождать ещё некоторое время! – заявил профессор. – Возможно, у этого молодого человека сопротивляемость организма выше, чем у других, и вирус поражает его не сразу.

– Мы не можем стоять тут вечно! – отрезал майор. – Скоро стемнеет. Старлей! Поднимайся! Живи, пока живется. Сержант, глаз с него не спускай! Когда его скрючит, у тебя будет секунд пятнадцать, не промахнись. А сейчас надо найти место для ночевки. Лезть в склад ГСМ опасно, кто знает, сколько там осталось мутантов. И не понятно, будут ли там ночью крысы...

– Можно в самолет залезть, – предложил старший лейтенант, поднимаясь. – Их тут полно. Кто-то останется внутри брони, остальные запрутся в самолете. Ни мутанты, ни крысы туда не заберутся... – Он посмотрел на разорванный противогоз, валяющийся возле трупа мутанта. – Меня можете запереть в трюме. Только воды оставьте.

Для ночевки выбрали ближайший самолет, и для большей надежности решили обойтись без трапа. К самолету подогнали БТР, и с брони залезли внутрь. Ни мертвецов, ни мутантов в самолете не оказалось, и майор распределил, кому где спать. По паре человек отправили ночевать в боевые машины, остальные закрылись в самолете. Старшего лейтенанта, от которого люди шарахались, словно он уже мутировал и собирался вцепиться всем в горло зубами, заперли в грузовом отсеке. Оружие у него отобрали, дали бутылку воды и фонарь с подсевшими батарейками, особо не рассчитывая увидеть его поутру живым. Остаться одному в темном грузовом отсеке было, мягко говоря, не по себе, и старший лейтенант полчаса лазал по нему, убеждаясь, что находится здесь действительно один и что все люки и прочие отверстия надежно заперты. Окончательно вымотавшись, он улегся в углу, но ещё долго не смог заснуть. В темноте ему то и дело мерещились силуэты мутантов, и он вскидывал фонарь, словно оружие, пытаясь успокоить взвинченные до предела нервы.

Тусклый луч освещал пустой грузовой отсек, демонстрируя отсутствие угрозы, но донельзя перенапряженная психика не расслаблялась. Вместо этого она переключалась на выискивание у самого себя симптомов приближающейся мутации и мысли о том, что утром его попросту не рискнут отсюда выпускать. В какой момент изможденное сознание наконец-то рухнуло в тяжелый сон, старший лейтенант понять не смог.

Проснулся он от грохота автоматной очереди. Стреляли наверху, над ним, в пассажирском салоне. Глухо звучали невнятные крики, и снова вспыхнула беспорядочная стрельба. Долбили из нескольких стволов сразу, и ничего хорошего от этого ждать не приходилось. Старший лейтенант торопливо перебрался в самый дальний угол и замер, лихорадочно соображая, есть ли у него шансы в случае чего выбраться из трюма самостоятельно. Стрельба наверху прекратилась быстро, и оставалось лишь гадать, что там произошло и чем закончилось. Страх перед неизвестностью требовал от него немедленно выбираться отсюда, и старшему лейтенанту с трудом удалось взять себя в руки. Без оружия ломиться наверх глупо. Если там свои, то могут подумать, что он мутировал и бесится, тогда точно полоснут очередью прямо через крышку люка. Если там никто не выжил, то тем более стоит подождать подольше, потому что первым делом мутанты начинают жрать трупы, и в таком случае они ещё там и он вылезет прямо к ним. Лучше дожидаться утра, если свои живы, то, может, и выпустят. Если живых нет, то, может, мутанты к тому времени уйдут из самолета. Вот только как они там оказались?! Самолет же был пуст и заперт снаружи, его обыскали от носа до хвоста! И БТР потом отошел на десяток метров, даже если мутанты влезли на броню, до дверей им никак не достать...

До самого утра он не сомкнул глаз. Ожидание того, что в любую минуту к нему могут ворваться мутанты, пересилило усталость, и старший лейтенант так и просидел в дальнем углу трюма, не выпуская из рук фонарика. Утром люк открылся, и из него показался автоматный ствол.

– Старлей? – раздался голос майора. – Ты там живой? Стой на месте, один шаг – стреляю!

– Живой, – ответил старший лейтенант, на всякий случай подбираясь для прыжка в сторону.

– А ну, покажись! – потребовал майор. – Только медленно! Выходи на середину трюма!

Старший лейтенант подчинился. Майор несколько секунд вглядывался в него, подслеповато щурясь через окуляры противогаза в окружающем полумраке, после чего опустил автомат.

– Вылезай, – коротко бросил майор, освобождая выход.

– Ночью в кого стреляли? – Старший лейтенант следом за ним перебрался из грузового отсека в пассажирский салон и тут же остановился, едва не споткнувшись о сложенные в проходе трупы.

– В него, – лаконично ответил майор. – Перешагивай, им уже всё равно.

В облаченном в ОЗК мертвом солдате старший лейтенант узнал одного из своих контрактников. Противогаза на бойце не было, на горле зияла большая рваная рана с выдранными из неё ошметками плоти. Второй труп был в гражданском костюме без средств защиты. Рот покойника был густо вымазан в крови, лицо искажено гримасой безумной животной ярости.

– Это же профессор! – оторопел старший лейтенант, вглядываясь в лицо мертвеца. – Он же был нормальный, в смысле, не зараженный! Зачем он снял противогаз?

– Кушать захотел – да и снял! – огрызнулся майор. – Когда спать ложились, все были нормальные!

И в противогазах. А ночью профессор обиделся на весь мир и решил перекусить тем, кто поближе. Если бы он об автомат не запнулся, может, вообще всех бы сожрал! Живучий оказался старичок, даже с пробитым сердцем не сразу зажмурился.

– Но... – старший лейтенант посмотрел на собравшихся в салоне самолета солдат. Затянутые в ОЗК и противогазы люди были все на одно лицо. – Как он заразился? Он же не снимал противогаз! Только в медпункте, но тогда все снимали, и никто не умер! Двадцать пять минут прошло...

– Ты, что, не понял, старлей? – перебил его майор. – Эта дрянь убивает через двадцать пять минут не всегда! Или не всех. Например, ты до сих пор не мутировал. Пока ещё не мутировал. Я специально осмотрел профессора. На нем нет ни укусов, ни царапин. И противогаз он, как ты правильно догадался, не снимал. Он заразился как-то иначе, хрен знает, как и когда. И никто не знал об этом. Может, и сам он не знал. А вот ночью мутировал, пока все спали, и пошел перекусить!

– Так ведь... – старший лейтенант неуверенно оглядел присутствующих, – в медпункте мы все противогазы снимали... может, профессор тогда... – молодой офицер осекся.

– Может, и тогда, – кивнул майор. – А может, и нет. Проверять никому не хочется. А жрать как-то надо. Смерть от голода гораздо медленнее, чем от вируса. Опять же, в случае чего, боевой товарищ всегда сможет помочь твоему горю метким выстрелом. Поэтому приём пищи будем организовывать как вчера. Ночлег отныне придется устраивать так, чтобы каждый был заперт изнутри во избежание ночных визитов внезапно оголодавших сослуживцев. С этим будем разбираться ближе к вечеру, а пока займемся поисками генератора, чтобы можно было включать эти долбанные кварцевые лампы. Но сначала проведем осмотр техники. Мои механы, которых я оставил в БМП, передали, что ночью опять приходил бесконечный поток крыс. Говорят, колеса Бэтэру сожрали начисто. Вот только уточнить не получается – твой водитель бронетранспортера на рацию не отвечает. А ещё они видели какого-то мужика в форме летчика гражданской авиации. Он прячется в небольшом самолете, его видно через раздолбанные двери ангара. Так что, старлей, снаряжайся, и, как только вороньё улетит, пойдём выяснять, что к чему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную версию на сайте www.tarmashev.com